Тёмные пути

Автор:
Андрей Васильев

Тёмные пути

Андрей Александрович Васильев

Отдел 15-КХранитель кладов #3

Лето начинает приближаться к своему финалу, а это значит, что времени на выполнение поставленной задачи у Валеры Швецова остается все меньше и меньше. Да еще и круг вроде бы друзей, который сформировался вокруг него за последнее время, стягивается все уже, постепенно начиная напоминать петлю.

Андрей Васильев

Тёмные пути

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более, чем случайность. Ну, а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Валерочка, и вот эту коробку отнеси, пожалуйста, – попросила меня милейшая и тишайшая Анна Петровна. Ее дочь еще лет двадцать назад отбыла с мужем куда-то в сторону Канберры, где проживала по сей день, и в Россию возвращаться не собиралась, о чем с изрядным акцентом сообщала матери в те редкие дни, когда связывалась с ней по телефону. Собственно, как раз наличие акцента шокировало бедную старушку настолько, что она даже захворала, а после приняла как данность то, что одинокая старость – ее судьба. Но не растраченная на внуков доброта никуда не делась, потому некоторая ее часть доставалась мне. – А потом приходи чай пить, у меня ватрушки есть. Вчера испекла.

– Как бы не лопнуть, – пропыхтел я, поднимая очередную коробку с бумагами. – Не меньше чайника в меня нынче влили.

Все так и было. Старушки-сослуживицы, похоже, изрядно соскучились по моему обществу, потому каждая из них сочла своим священным долгом напоить меня сладким до приторности чаем и впихнуть какое-то количество выпечки. Причем отдельно замечу – домашней! То есть ждали, готовились, что приятно и где-то даже трогательно. Но живот-то у меня не резиновый! К тому же они по причине возраста результаты своей кропотливой работы за последнее время в подвал не таскали, а ждали меня, захламив коробками все коридоры. Поверьте, носить на полный желудок по лестницам тяжелые ящики с бумагами – это очень и очень сомнительное удовольствие.

Впрочем, я особо не жаловался, поскольку возвращение к привычному ритму жизни было где-то даже приятным. Приключения с кладами, ведьмами и прочей фольклорной экзотикой – это, бесспорно, прекрасно, но все же хочется иметь под ногами и твердую реалистичную почву. А она – тут, в моем архиве, где все осталось так же, как и всегда. Тихий арбатский дворик, лавочка, кусты, духота в помещениях и мои коллеги-бабульки, у которых темы для разговоров не кончаются никогда.

Опять же – в переноске тяжестей, как ни странно, есть и свои плюсы. Думается в этот момент хорошо. А мне ведь было о чем поразмыслить. Ой было! Слишком уж много всякого разного в субботу вечером произошло. Да и после того – тоже. Не могли такой день и такая ночь без них обойтись.

И началось все с того, что в воскресенье утром мне позвонил господин Шлюндт. Причем как положено по этикету в выходной день – в девять часов ноль одну

минуту. Раньше вроде как неудобно, а позже, надо полагать, ему самому не хотелось.

– Доброе утро, Валерий, – голос антиквара был сух, как мартини категории extra dry, тот, который не пить, а грызть надо, отчего мне сразу захотелось ему нахамить. Почему? Потому что я вроде ему не сын, не племянник и вообще не родственник ни разу, так откуда такие интонации взялись? Да, он мне помогает в делах, но не бесплатно же? Но не стал. Все-таки Карл Августович – немолодой человек, а мне с детства хорошие манеры усиленно прививали, в том числе и на предмет того, что возраст надо уважать. – Не разбудил?

– Разбудили, – протяжно зевнув, ответил я, – и зря. Устал я вчера. Тяжелый день выдался.

– И крайне насыщенный, насколько мне известно.

– Было весело, – признал я. – Давненько не жил настолько полной жизнью.

– Наслышан, наслышан, – подтвердил мой утренний собеседник. – Новые впечатления, новые приключения, новые перспективы. Вам можно только позавидовать. Столь яркая жизнь, наполненная самыми необыкновенными событиями не каждому выпадает.

– Вы про Марфу? – напрямую уточнил я, решив не ходить вокруг да около. – Ну да, она старушка непростая, есть такое. Но! Повторю то же самое, что ей говорено: я чту наш договор, потому вопросы расширения списка концессионеров проговаривайте без меня. Пожелаете взять ее в нашу дружную компанию – пожалуйста. Но, разумеется, на тех же условиях, что и для остальных. Захотите дальше сидеть в песочнице узким кругом – пусть будет так. Только меня в данные дрязги не вмешивайте, мне это на фиг не нужно. Я вообще, между прочим, завтра на работу выхожу, потому все ваши тайны бургундского двора мне побоку. И без того времени не было, а теперь его совсем не станет.

– Я совершенно не понимаю, зачем тебе это нужно. – Шлюндт снова сошел со мной на «ты», что говорило о понижении градуса страстей в разговоре. – Деньги? Вряд ли, как мне думается, ты себя уже неплохо обеспечил. Один твой процент со вчерашнего клада равен годовому бюджету небольшого городка где-

нибудь в Поволжье, не так ли?

– Наверное. – Я потянулся. – Не могу об этом судить. И циферок того городка не знаю, и барыши еще не подсчитывал.

– Если желаешь, могу помочь, – предложил Шлюндт. – Ты ведь монетами долю взял, верно? Посмотрю, оценю, может, и покупателя подыщу, если что интересное попадется. Подозреваю, что это, скорее всего, екатерининские пятерки и десятки, но кто знает? Может, и петровские червонцы имеются, а на них всегда желающие найдутся. Не скажу, что это прямо вот раритет, но тем не менее. Недели три назад у меня петровская «большая» десятка 1712 года за два миллиона ушла, причем в довольно скверном сохране.

– «Большая»? – заинтересовался я. – В смысле?

– Речь о размере головы Петра Алексеевича, – хихикнул в трубку старичок. – Встречаются три разновидности червонцев, градируются они по величине головы на реверсе. Большое изображение императора дороже других. Кто его знает, с чего он такую каверзу учудил, очень уж непредсказуемый человек был. Да и вообще он клейма менял чуть ли не каждый год и при этом чеканил неравное количество монет. Например, червонец 1716 года, где он в меховом плаще и с латиницей вместо русских букв, очень большая редкость. Отчеканили золотых монет этим клеймом немного, вот и результат. Я уж молчу про червонец 1729 года с бантом, это… Ладно, не стану тебя утомлять ненужной информацией. Ты подвози ко мне свой улов, поглядим, разберемся. Вот прямо сегодня и привози. Ну, для начала, разумеется, проводи прелестницу Стеллу, как и положено джентльмену, позавтракай, а после я тебя жду.

Ну, выходит, не все вы знаете, Карл Августович, не все. Стеллы-то у меня здесь нет. И не было.

И не факт, что будет, потому что обиделась она на меня в этот раз очень сильно. Не как ведьма или напарница, пусть даже случайная. Как женщина обиделась. А это очень серьезно.

Вчера, когда мы уехали из Останкино, у меня адреналин в крови так и бурлил, требуя выхода. А дальше все просто: дорожное покрытие хорошее, движок отменный, руки легли на руль так, будто и не было нескольких последних лет, в

результате я сам не заметил, как разогнался почти до ста пятидесяти километров. Инстинкты на автомате сработали, других обоснований у меня нет. Скорость всегда пьянит, тем более что трасса, на которую, направляясь неведомо куда, я в результате выскочил, в обе стороны практически пустовала, не считая вечных дальнобойщиков. И вот нога все сильнее вдавливает педаль газа в пол, а мое истинное «я», которое столько лет загонялось вглубь души, вдруг получает свободу. Еще бы «Далмора» глотнуть от души – и вот оно, счастье! Да какого черта? Машина, особенно такая, не может ехать медленно. Не должна. Ей нужна скорость, как, впрочем, и мне. Этой ночью я мог умереть, но остался жив и имею право на маленький приз.

Стелла с самого начала сидела молча и только знай зыркала на меня из-под накладных ресниц да посверкивала двумя бриллиантиками, к ним приклеенными. Я вообще никогда ее такой не видел. Впрочем, в тот момент я особо на эту тему не задумывался.

Голос она подала, когда автомобиль разогнался почти до двухсот километров.

– Валера, сбавь, – попросила она, – не гони так!

– Да ладно тебе. – Поморщился я недовольно. – Эта детка куда больше выжмет без проблем.

– Она выжмет, – подтвердила ведьма, – но не надо этого делать. Пожалуйста. Я прошу тебя! Ночь, незнакомая дорога. Это добром не кончится.

– Да ты трусиха! – рассмеялся я. – Кому-то следует проверить нервы. И потом, если уж ты села со мной в машину, то…

Фразу я не закончил, потому что понял, что нынешняя ситуация абсолютно зеркальна той, которая случилась… Которая случилась. И наш разговор повторяет тот, давнишний, почти дословно. А следом пришло понимание факта, что следом за разговором прошлое снова может стать днем сегодняшним.

Короче, сбросил скорость, после прижался к обочине, вышел из машины и закурил. Кураж ушел, словно его и не было.

– Зря я все это затеяла, – пробормотала Воронецкая, выбираясь из салона. – Не надо было тебя к матери тащить. Не надо. Ты прежний мне нравился больше, чем теперешний. Нет, бесил жутко, но я того Валеру хоть не боялась. Точно тебе говорю – лучше бы мы в ресторан какой пошли гадов морских кушать и шампусик пить. Мама твоя прелесть, но тем не менее.

– Не люблю экзотические морепродукты, – ответил я, глубоко затягиваясь сигаретой. – Как-то раз траванулся ими сильно, меня чуть наизнанку не вывернуло, даже скорую ребята вызывали. С тех пор всех этих морских ежей и трепангов видеть не могу. Треску жареную или селедочку с удовольствием наверну, а всех этих обитателей южных морей ешьте без меня.

– Поедем домой, – попросила ведьма тихо, прижавшись щекой к моей спине. – Эта ночь кончится, и все вернется на свои места. Интриги, поиски предметов, я, ты… Наверное.

– Наверное, – повторил я, выбрасывая сверкнувший ярким росчерком окурок в сторону. – Наверное. Садись за руль.

– Что? – удивилась девушка. – Ты вроде уже успокоился. Или нет?

Я показал ей свою руку, которая немного подрагивала. Да, внутри меня еще немного бушевал тот старый Валера Швецов, но полыхавшее в душе пламя потухло, и адреналиновые угли снова подернулись привычным пеплом. Все потихоньку начинало вставать на свои места.

– Н-да. – Стелла, похоже, тоже возвращалась к своему привычному образу, в ее голосе появились знакомые нотки. – Прямо отходняк какой-то.

– Он и есть. – Я сел на пассажирское сидение и захлопнул за собой дверь.

– К тебе, ко мне? – деловито уточнила Стелла, пристраиваясь за руль и натягивая на руки черные перчатки с обрезанными пальцами. – Давай лучше ко мне. В холодильнике две бутылки хорошего шампанского стоят, и клубники полно.

– Ты к себе, я к себе, – холодно ответил я. – Ничего не изменилось, ведьма. Мы с тобой не друзья, мы партнеры, причем поневоле, а не половые. А еще раньше или позже мы с тобой непременно на узенькой дорожке столкнемся, ты же понимаешь, что это неизбежно. Давай не будем усложнять друг другу выбор, который придется делать.

– Сволочь ты, Валера Швецов из Москвы! – неожиданно тонким голосом сообщила мне Воронецкая, и машина рванула с места в карьер со скоростью, не сильно отличавшейся от той, которую держал я, когда был за рулем.

И уже очень скоро она тормознула у моего подъезда, с неженской силой метнула узелок с золотом, чуть не попав им мне в голову, и столь же стремительно укатила в ночь.

– Вот и вся любовь, – сообщил я невесть кому. – И так бывает.

– Сам, небось, накосячил, – отозвался откуда-то со второго этажа девичий голос, а после там же мелькнул огонек сигареты. – Знаю я вас таких! Козлы! Лишь бы нервы нам поднять.

– Не без того, – согласился я с невидимой собеседницей. – Но, может, оно и к лучшему, что вот так. Всем спокойнее жить будет.

Ничего мне не сказала на это суровая соседка, только чинарик непотушенный чуть за шиворот не свалился.

А вот антиквар, похоже, не знал, что Воронецкая у меня не ночевала. Что уехали мы из Останкино вместе, был в курсе, а про остальное – нет. Кстати, интересно, у кого сквозит – у Ростогцева или у Марфы? Или у обоих по слухачу от Шлюндта в свите имеется? Карл Августович может, он такой.

– Сегодня не поеду, – заявил я антиквару, решив не углубляться в тему моих отношений со Стеллой, – устал как собака. Ну и, повторюсь, мне же завтра к девяти на службу. Надо морально подготовиться.

– Хорошо, – неожиданно покладисто согласился тот. – В конце концов, монеты никуда не убегут. Старое золото – оно как хороший коньяк, с годами только

крепнет. В смысле в цене.

– Это да. – Я встал с кровати, подошел к столу, прижал телефон к плечу щекой и развязал косынку. – Это верно.

А прилично я вчера нагреб золотишка. В темноте и на нервах как-то внимание на этом не фокусировалось, не до того было, а сейчас, при свете дня и на столе, кучка монет смотрится вполне внушительно.

Я разворошил ее и цапнул первую попавшуюся денежку.

– А эпоху вы угадали, Карл Августович, при Петре Алексеевиче монету чеканили, – сообщил я в трубку. – Правда, червонец это или нет, непонятно. С одной стороны тут он сам изображен, с другой – орел двуглавый.

– Слева от короны дата должна быть, – проворковал в трубку антиквар, – год чеканки.

– Семьсот четырнадцатый, – отозвался я.

– Не самый редкий, – моментально среагировал Шлюндт, – но если сохранность хорошая, то миллион ты за эту монету получишь. Это с учетом моих комиссионных, разумеется. Кстати, обрати внимание, Петр там пока в царской ипостаси проходит.

– Ага, точно, «цар» написано, – подтвердил я и взял другую денежку. – А вот тут он уже император всероссийский, веселый, молодой и усатый. С другой стороны дядька какой-то выбит.

– Дядька! – возмущенно произнес антиквар. – Святой апостол Андрей Первозванный, несущий крест по земле грешной, отображенной в виде полоски. Глянь-ка левее от вышеназванной, какой год указан? Там циферки по двум сторонам разнесены – две слева от полоски, две справа. Нам надо слева.

– Двадцать второй. – Вгляделся я в текстовую вязь, идущую по монете кругом. – Слушайте, а ведь это не червонец. Это… Э-э-э-э… Монета нова, цена два рубли. Что, и такие чеканили?

– Два рубля двадцать второго года, – задумчиво произнес антиквар, – хорошей сохранности. Ты стал богаче еще тысяч на семьсот или около того. Если быстро и наличными – хоть сегодня, есть у меня на нее покупатель в Москве. Если больше, то через аукцион. Год не самый редкий. Вот был бы двадцать третий, с античными доспехами – тогда да. Там совсем другой порядок цифр.

– Ну, удача переменчива. Да тут вообще неликвид встречается. – Выцепил я из кучки какую-то монету, глядя на которую, можно было подумать, что ее погрызли мыши с титановыми зубами. – А, нет, все нормально, это не денежка. Это, похоже, памятный знак. Тут так и написано: «на память». И еще… Не очень разборчиво просто. «Общая радость», что ли?

– Валера, а теперь прочти мне то, что написано на аверсе, – попросил антиквар. – Пожалуйста.

– Екатерина императрица коронована в Москве 1724 год, – выполнил я его просьбу. – Ясно, коронационный жетон, я про такие читал. Их в народные массы кидали после завершения мероприятия. Правда, вроде речь о серебре шла.

– Для коронации Екатерины князь Александр Данилович отчеканил, помимо серебряных, еще полсотни золотых жетонов, специально траченных с четырех сторон, чтобы их пройдошливый люд московский за деньгу выдавать не вздумал, – проурчал в трубку антиквар, как огромный сытый кот. – Для него новая императрица была дополнительным рычагом влияния на Петра, потому радовался он вполне искренне. Когда закончилась коронация, светлейший вышел в народ в компании с статс-комиссарами Принценштиерной и Плещеевым, да. Те таскали два красных бархатных мешка с вышитыми на них императорскими орлами, в коих лежало множество серебряных жетонов, а среди них полсотни названных золотых, и все они достались людям. Александр Данилович радоваться изволили, потому ни единого жетона себе не оставил, за что и был бит нещадно в тот же вечер императором, кой изрядно осерчал, и за мотовство, и за то, что для гиштории хоть один экспонатус сбережен не был.

– Даже не слышал о таком, – признался я, – хоть вроде по должности и положено.

– Подобные нюансы интересны только специалистам, – приободрил меня Шлюндт. – Так вот, серебряных жетонов уцелело не так и мало, относительно,

разумеется. А золотых – нет. Время к подобным предметам безжалостно. Я держал их в руках, не стану скрывать, но ни один к ним так и не прилип, не сложилось. Впрочем, любой коллекционер знает, что поиски той или иной реликвии всегда увенчаются успехом, если тебе она по-настоящему нужна. Вот и здесь так случилось. Валерий, надеюсь, ты не откажешь мне в небольшой просьбе и продашь эту вещичку? Или же я могу тебе ее на что-то сменять.

– Полагаю, мы договоримся. – Я подбросил тяжеленький жетон на ладони. – Как должно двум друзьям. А теперь, если вы не против, я пойду. Время завтрака.

Надо будет в сети цены на это дело посмотреть. Шлюндт вряд ли станет меня надувать по-крупному, но все же стоит подготовиться.

Собственно, на это и ушел остаток воскресенья. Попутно я выяснил, что в куче добытого мной золота встречаются не только петровские монеты. И Екатерина Первая тут присутствовала, причем тоже в двухрублевом номинале, и Анна Иоанновна, та, правда, в виде десятирублевика. Причем последней очень не повезло, не любили, как видно, ее монетных дел мастера. Просто ну очень некрасивой ее изобразили. Невероятно. Я бы на месте матушки-императрицы их всех за эдакое творчество на плаху послал, честное слово. Впрочем, кто ее знает, может, она именно так и поступила, неспроста ведь ее Кровавой кликали?

А вот более поздних императоров и императриц мне не встретилось. Ни Екатерины Второй, ни Павла Петровича. Впрочем, и ладно. Все равно барыш куда как хорош оказался. И, что важно, совершенно безопасным в плане разных трах-тибидохов. Просто случись по-другому, то рядом со столом уже бы отирался и печально сопел Анисий Фомич. А то и самого Филата Евстигнеевича бы принесло, этот старый хрыч не станет миндальничать, на то он и старший по нашему дому. Всем подъездным он начальник и… и кому-нибудь еще наверняка командир. Трубам там или мышам.

Да и вообще последний отпускной день, прямо скажем, задался. Я никуда не бежал, ни с кем не дрался, не пытался добыть то, что мне, признаться, вовсе не нужно. Нет, я просто наслаждался небольшой передышкой в тишине и покое. Собственно, я даже телефон отключил.

А еще я отлично выспался, поскольку видения меня не тревожили совершенно. Впрочем, тут даже не знаешь, к добру это или нет. С одной стороны, спокойно

спать – это прекрасно. С другой – лето перевалило на вторую половину, скоро в утреннем воздухе станет чувствоваться прохлада и предосенняя терпкость, дни станут короче, а листва начнет потихоньку желтеть. А я, между прочим, меньше половины положенных предметов нашел. Эдаким макаром я не то что до останнего дня не успею, но и до Нового года не управлюсь. И вряд ли меня Великий Полоз за такую нерасторопность по голове погладит.

Но это все было вчера, а сегодня я таскаю коробки, чихаю от пыли и искренне сожалею о том, что за каким-то лешим не майку с джинсами на себя натянул, а рубашку и костюмные брюки. И жарко, и угваздал я их по полной.

Все когда-нибудь кончается, и ближе к вечеру я, опухший от выпитого чая, страдающий изжогой от количества съеденной сдобы всех видов, грязный и пропотевший до ужаса, смог плюхнуться в свое кресло, вытянуть ноги и закрыть глаза. Кроме меня, в полуподвальной комнатке никого не было, ушли две моих соседки по помещению наверх лясы точить, благо наша начальница Розалия Наумовна к высокому руководству отбыла, то ли с отчетами, то ли на поклон, с целью выбить хоть какие-то фонды. Ну а мне только того и надо было, ибо здорово я устал. Настолько, что почти сразу задремал.

Одно плохо – отдохнуть особо не получилось. Только я немного опечалился на тему того, что видений нет, и кто-то сверху меня услышал. Услышал и отсыпал очередную порцию туманных загадок. В обе руки отсыпал.

И первое, что я увидел, – мужской перекошенный в крике рот и выпученные глаза. Ну, оно неудивительно, когда тебя душат, то и не такую рожу скорчишь. Двое крепких парней деловито убивали третьего на широченной кровати, а стоящая рядом с ними невысокая миловидная женщина радостно хохотала, глядя на это все. Причем по одеждам убийц сразу становилось ясно, что это злодеяние случилось не вчера и не позавчера. Век четырнадцатый-пятнадцатый, кабы не раньше.

Дальше – больше. Перед моим взглядом маршировали армии, чадили жуткого вида костры, наводящие непонятную тоску, и два всадника в сопровождении свиты спешно удалялись по еле различимой дороге, скрываясь за полупрозрачной пеленой.

Видения сменяли одно другое, и вот передо мной средневековый бал во всей его пышности. Яркие наряды, маски, веселье на улицах города, в котором, как мне показалось, я узнал Неаполь, где пару раз бывал в юности, один раз с мамой, другой с Юлькой. Ну да, Неаполь в Средние века и сейчас – это два разных города, но церковь Сан-Доменико-Маджоре и особенно кафедральный собор трудно спутать с другими строениями. Мы столько времени там с мамой провели, что я их хорошо запомнил. Как сейчас в ушах прозвучало: «Валера, пойми, ты видишь одно из величайших творений в мире. Фрески Джованни Ланфранко – это шедевр, не имеющий аналогов». А потом выяснялось, что не один Джованни Ланфранко творил эдакие шедевры, поскольку на творческой неапольской ниве потрудились и Пьетро Каваллини, и Франческо Солимена, и невесть кто еще.

Но в результате мама оказалась права, пригодилась мне ее наука. Если все так, если это Неаполь, то дело, считай, в шляпе. Больно здоровая была та кровать, на которой задушили бедолагу, вряд ли она стояла в лачуге никому не известного бедняка. А значит, это убийство оставило след как в истории, так и в Википедии. Нет, душили тогда многих, европейское Средневековье отметилось в мировой истории редкостной бессердечностью, но все равно список будет не безразмерный.

Как будто издеваясь надо мной, видения закончились тем же, чем начались, – удушением. На этот раз, правда, прикончили не мужчину, а женщину, ту самую, которая чуть раньше так заливисто смеялась, глядя на чужую смерть. Правда, сейчас она была уже не так молода и красива, но тем не менее я ее узнал. Да и убийцы мало походили на дворян, скорее они смахивали на солдат или стражников.

Зато теперь стало предельно ясно, что дама сия и есть та, кто владел неким предметом, мне жизненно необходимым. И я вроде даже понял, о чем именно идет речь. Скорее всего, это был кулон, который убийца сорвал с шеи только что задушенной им женщины, а после засунул в напоясный кошель. Довольно большой, круглый, судя по цвету, золотой, с крупным рубином в центре.

Ох, что-то мне подсказывает, след в истории человечества этот кулон оставил не самый лучший, учитывая то, какими шалостями занималась его первая хозяйка, и то, как она закончила свою жизнь. Таким вещам и правда лучше лежать в земле, это я теперь наверняка знаю.

И неизвестно еще, насколько легко его будет сначала найти, а потом угомонить. Колечко безумного бизнесмена – и то с таким трудом мне в руки далось, я до сих пор вспоминаю.

А еще интересно вот что: насколько же запутаны пути истории и людей. Каким образом кулон из Италии занесло в Россию? Ну, ладно, если сейчас – аукционы вроде Сотби, «черные дилеры», то, се… А раньше? Как приданое? Или какие-то лихие казаки добирались не только до северных морей, но и до теплых стран с апельсинами и оливками? Или, может, некий безвестный разудалый подполковник-гусар раздел за ломберным столиком неудачливого итальянца, в предках которого ходил тот самый хмурый господин, что не побрезговал с еще теплой женской шеи сдернуть цепочку с украшением?

Жаль, что я никогда не узнаю, как оно было на самом деле. А хотелось бы.

Вспышка, я снова вижу страдание в глазах умирающей от удушья бедняжки и просыпаюсь в холодном поту.

– Уф-ф, – пробормотал я, вытирая ладонью лицо. – Что же мне вечно ужасы демонстрируют? Хоть бы раз для приличия женщину голую показали, желательно красивую и молодую.

Шутки шутками, а первым делом я зарисовал все, что запомнил. Просто, помимо кулона, я у погибшей на руке еще перстенек интересный приметил, с черной жемчужиной там, где обычно располагается камень. Любопытная вещь, и по тем временам очень дорогая. В Средние века крупный жемчуг куда серьезнее иных самоцветов ценился, а особенно черный, ему приписывали массу магических свойств, в том числе и то, что он защищает владелицу от любых ядов. Вопросы отравления и сейчас праздными не являются, а уж тогда яд пускали в ход чуть ли не чаще, чем кинжал, особенно с учетом того, что речь, скорее всего, идет об Италии. Так что данный предмет тоже запросто мог оказаться тем самым, что мне нужен. И даже на самом деле мог защищать от ядов, я уже ничему не удивлюсь. К слову, может, потому эту гражданку и удавили? Просто травануть не смогли?

Кто же ты есть-то такая, средневековая красотка? Когда жила, кем была? Может, ты королевская любовница? Почему нет, весьма стройная версия получается. Сначала его подручные прикончили мужа-бедолагу, чтобы тот под

дверью не топтался и не мешал своим сопением монарху время приятно проводить, а после смерти покровителя и фаворитку на тот свет спровадили. На всякий случай, чтобы лишнего не болтала и не пыталась своих детей на трон подсадить. Если вспомнить ее поведение при первом убийстве, то сразу становится ясно, что эту милашку ничто и никто не остановит при движении вверх.

Или она сама королевских кровей? Может, сестра или даже жена венценосной особы?

Ладно, узнаю со временем. Не от Шлюндта, так из продолжения видений. Они теперь меня постоянно станут одолевать, пока я цели не достигну.

Я закончил рисунок, взял телефон, чтобы получившийся результат сфотографировать, и выяснил, почему тот столько времени молчит. Он разрядился, а я этого даже не заметил. Вот ведь! Надо менять аппарат, батарея совсем не держит. И ведь вчера почти весь день выключенный пролежал.

– Валера! – В кабинет заглянула Анна Петровна, причем было заметно, что она, мягко говоря, смущена. Или удивлена? – Тут к тебе девочка пришла.

– Кто? – Выражение моего лица стало, скорее всего, не менее изумленным, чем у нее.

– Девушка, – поправилась старушка. – Говорит, что ты ей нужен. Аглая Ивановна пыталась объяснить, что здесь не открытый архив и не присутственное помещение, но она очень боевитой оказалась.

– Когда это Аглаю Ивановну смущало? – проворчал я, догадываясь, кого нелегкая принесла. Как видно, не дозвонилась до меня Стелла, решила лично приехать, чтобы, как в том фильме, сказать, насколько я ей безразличен.

– Никогда, – покладисто отозвалась Анна Петровна. – Но тогда эта девушка объяснила, зачем пришла, и повод оказался очень весомый. Валерочка, поздравляю тебя, ты скоро станешь папой!

Глава вторая

– О как! – искренне удивился я. – И кто у нас счастливая мама? Нет, правда интересно, кому так свезло.

Есть у меня подозрение на тему того, кто именно подобным образом развлекается, тем более что истинную благую весть на данную тематику сюда могла принести только Юлька, а она, даже окажись и в самом деле беременной, вряд ли станет со мной сейчас разговаривать. Очень она здорово в субботу на меня обиделась, тут двух мнений быть не может. Не исключено даже, что наши с ней дорожки разошлись в разные стороны навсегда. А что, с нее станется назло всему миру и мне лично выйти замуж за какого-нибудь бизнесмена средней руки, напрямую зависящего от ее отца, а после свалить на пару лет проживать куда-нибудь в Италию. Ей всегда нравилось Сорренто.

Но чтобы она пришла сюда, да еще делилась с кем-то столь личными переживаниями? Да никогда!

Зато приятен тот факт, что кое-кто, похоже, не столь обидчив, как моя подруга детства.

– Валера, Валера, – смутилась Анна Петровна, – как так можно говорить? Откуда в тебе этот цинизм? Ты раньше таким не был.

– Был, – вздохнул я, – просто вы этого не замечали. Ну и повод показывать свое истинное лицо не возникал.

– Понимаю-понимаю. – Заулыбалась старушка. – Защитная реакция психики, у Малышевой про это целая передача была. Там еще в мозг передавался этот… как его…

– Вале-е-ера, – раздался из коридора голос, полностью подтвердивший мои догадки. – Валерочка! Ты где?

– Так вот он. – Анна Петровна отмела в сторону воспоминания о мозге и Малышевой, заулыбалась и изобразила жест из категории «добро пожаловать». – Проходите, Стеллочка.

– Спасибо. – Появившаяся в дверном проеме ведьма была сама скромность и обаяние, ее глаза лучились неподдельной добротой. – Какие же у моего Валеры славные коллеги! А я, дура, еще переживала, ревновала…

Она махнула ладонью, а после приложила ее к глазам, как бы давая понять, что вот-вот от стыда пустит слезу.

И ведь знала, змея, куда шла. Сарафанчик в стиле шестидесятых годов натянула на себя, волосы лентой перехватила. Не девушка, а сплошная ностальгия по тому времени, когда мои сослуживицы были молодыми.

– Да что ты, что ты! – Анна Петровна предсказуемо растрогалась. – Наш Валерочка тихий, смирный, никогда ничего такого. Да и с кем? С нами, антиквариатом?

Сказав это, старушка рассмеялась, а ведьма ее еще и приобняла, несомненно, окончательно растопив немолодое сердце моей коллеги.

– Ну, вы поговорите, а я пойду, – заторопилась старушка. – Дел-то еще, дел…

И вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Н-да, – выждав минутку, произнесла Воронецкая, оглядев мою каморку. – Знаешь, Валера, а ведь это диагноз. Вот прямо он. Ладно раньше ты тут ютился, это хоть как-то можно было понять. Пусть с трудом, но понять. Наследник неплохого такого состояния взбрыкнул, нахамил отцу, решил жить своим умом и трудом, отказавшись от мажорского бытия. Ну да, подобное припахивает легкой сериальностью, но иногда все же встречается в живой природе. Но сейчас, когда у тебя есть вполне легальный способ жить нормальной жизнью без родительских капиталов, оставаться тут… Ты мазохист?

– Нет. – Я развалился на жалобно скрипнувшем кресле. – Мне здесь нравится. Лучше скажи, ты зачем моих бабулек перебаламутила? Они же мне теперь жизни не дадут. Одна половина – из-за разрушенных иллюзий, другая – из женской солидарности.

– Иллюзий? – непритворно изумилась ведьма. – Ты о чем, Швецов? Не пугай меня! Я когда про диагноз упомянула, не думала, что настолько в точку попаду. Хотя это кое-что объясняет, конечно. Вот же, а я ведь было начала в себе сомневаться.

– Все-таки ты испорченная морально особь, Воронецкая. – Поморщился я. – Вон какие гадости в твой воспаленный разум проникают. Бабуськи меня то и дело сватают за своих соседок, племянниц и еще невесть кого. Подозреваю, что даже некий тотализатор работает, и самая удачливая Ханума раньше или позже загребет большой куш. Вернее, так они полагают. И зря, у меня ничего такого в планах не было и нет.

– Они о тебе заботятся, между прочим, – обличительно произнесла Стелла. – Но вообще жалко, что я про это не в курсе была. Выходит, я тебе не насолила, а помогла. Это обидно. Теперь тебе жить станет легче, что плохо.

– Да сейчас, – я невесело усмехнулся. – Теперь каждый божий день станет начинаться с расспросов о тебе, обо мне, о ребеночке и сроках бракосочетания. Мол, нельзя так, если уж размножился, так женись, не позорь хорошую девочку. Они мне в черепе через неделю дырку просверлят, можешь поверить.

– Славно как. – Воронецкая погладила себя по животу. – Надо будет в конце августа сюда снова заявиться, только непременно с накладкой на животе, чтобы выпуклость обозначить, и посетовать на то, что ты не желаешь узаконивать отношения. Мол, это несовременно, никому не нужно и так далее. Можно еще слезу пустить, причем некрасиво так, чтобы губы в разные стороны разъехались. Ох, тебе тогда несдобровать! А еще увольняться придется, не иначе.

– Даже не думай, – предупредил я ее. – Имей в виду, что тогда мы поссоримся.

– А то мы сейчас дружим. – Стелла прислонилась плечом к стене. – Да и чего тебе печалиться, Валера? За августом придет сентябрь, в конце которого, если ты забыл, наступит змеиный день. И все.

– Что – все?

– Если после него мы с тобой живы останемся, так непременно на узкой дорожке встретимся, – буднично произнесла ведьма. – Ты же сам про это позавчера

говорил. Или забыл? А после того или мне будет на все плевать, или тебе. Второй вариант для меня предпочтительней.

– Да елки-палки. – Я встал с кресла. – Так и знал, что это все аукнется. Стелла, ну что ты как старшеклассница, в самом деле? Давай, еще заори при виде меня: «Пусть он уйдет, пусть он уйдет». Ну, сказал и сказал, бывает. Не головным мозгом тогда думал, скорее всего, а спинным. Опять же – учитывай ситуацию. Я только-только Данилу упокоил, у меня стресс, у меня адреналин по венам туда-сюда шнырял.

– Ты даже сейчас не понимаешь, что именно натворил. – Во взгляде Воронецкой появилась жалость. – Вот вроде не дурак, а не понимаешь. Или не хочешь этого делать. Ладно, закончим о личном, тем более что между нами ничего, по сути, нет.

– Стелла, – я сделал пару шагов и приобнял ее, – слушай, мы с тобой на пару уже ведро дерьма выхлебали, а впереди нас не меньше бассейна этой дряни ожидает. Ты хочешь меня убить после того, как все закончится? Хорошо, это твое право. И давай прямо скажем: ты тоже не идеал, иногда мне очень хочется тебя взять и придушить, хотя бы за то, что постоянно суешь свой нос везде, где можно. Но я же терплю?

– Бла-бла-бла. – Стелла вывернулась рыбкой из моих рук. – Лапы фу! У тебя был шанс, и ты его упустил, а теперь несешь жуткую банальщину. Знаешь, Швецов, ты разочаровываешь меня все сильнее и сильнее.

– Ну, извини. – Развел я руки в стороны. – Чем богаты, тем и рады. И еще – не говори потом, что я не пытался навести мосты. Было? Было. Но нет так нет, мне же проще жить станет. Гамбургский счет, если подумать, отличная штука. Никто никому ничего не должен.

– А это что за каляки-маляки? – Стелла подцепила со стола листок с рисунком. – Какая прелесть. Новая задачка? Замечательно!

Я глазом моргнуть не успел, как она достала смартфон и сфотографировала предметы, что мне явились во сне.

– Эй-эй. – Я вырвал листок у нее из рук. – Ты чего разошлась? Это конфиденциальная информация, не для чужих глаз.

– Не поняла? – Стелла наморщила лобик. – Чьи глаза тут чужие? А как же бассейн с дерьмом, которое нам на пару жрать?

– Воронецкая, – я пощелкал пальцами у нее перед лицом, – ты точно меня слушала? Мы вроде как разбежались, причем по твоему личному пожеланию. Нет больше никаких «нам».

– Ты. Совершенно. Не. Разбираешься. В. Женщинах. – Каждое слово в этой фразе было выделено интонационно и сопровождалось тыканием меня в грудь. – Впрочем, это не вина твоя, а беда, просто тебя все время брали в оборот девицы вроде твоей толстозадой подруги детства.

– Нормальный у нее зад, – вступился я за Юльку.

– Толстый он, – и не подумала отступать Стелла, попутно копаясь в смартфоне. – Я это знаю, ты знаешь, и она, уверена, тоже. А что до остального… Я подумаю, что с тобой дальше делать.

– Только не бросай меня в терновый куст, – хмыкнул я, снова садясь в кресло. – Воронецкая, ты кому фоточку отправила? Не одной ли милой пожилой леди, обитающей за городом?

– Я смотрю состояние дорог в центре. – Укоризненно глянула на меня ведьма. – Нам ехать пора, надо же понимать, что там творится?

– Нет никаких «нас», – как мне показалось, я умело скопировал ее голос. – Ты езжай куда пожелаешь, а лично у меня еще рабочий день не кончился. А после я отправлюсь домой, где в холодильнике находится большая кастрюля с окрошкой и трехлитровая баклажка с квасом.

– Я люблю окрошку, – задумчиво произнесла Стелла. – Хм. Но это ничего не меняет. Валера, нас ждут. Не заставляй меня снова обострять наши отношения. К тому же эта поездка не только мне нужна, но и тебе, уж поверь на слово.

– Ни за что. – Улыбнулся я ей ласково. – Тебе? Я, конечно, человек нездоровый, но не настолько.

– Все, закончили. – Стелла изобразила руками нечто вроде кругового движения. – Поигрались словами – и хватит. Поехали, нас правда ждут.

Вместо ответа я повернулся к компьютеру и подергал мышь, чтобы ожил экран.

– Хорошо. – Воронецкая ткнула пальчиком в экран телефона, поднесла его к уху, дождалась ответа и произнесла: – Он не хочет. Нет, я объяснила. Да, я была невероятно вежлива и почтительна.

– Нагло врет, – громко заявил я, открывая первую попавшуюся на экране папку. – Она вела себя как всегда, то есть грубила и угрожала. Я вообще скоро с ней общаться прекращу. Из принципа.

– На. – Стелла сунула мне трубку. – Тебя!

– Здрасте, Марфа Петровна, – весело проговорил я, заранее зная, чей голос услышу. – Как ваше здоровье?

– Так же, как и всегда, – в тон мне ответила верховная ведьма. – Не лучше, не хуже. Валерий, не знаю, что вы там с этой вертихвосткой друг другу наговорили, хоть и догадываюсь, что ничего хорошего, но на наши с тобой отношения эти дрязги влиять не должны. Я вообще хотела к тебе Изольду направить, она куда умнее и покладистее, вы бы точно поладили, да эта истеричка чуть в драку со мной не полезла. Мол, мой он – и все тут. До того дышать в моем присутствии боялась, а тут гляди-ка! Не желает, вишь, к тебе никого из наших подпускать. Видать, боится, что уведут тебя у нее из-под носа. Ну, оно понятно, ты парень видный, и при профессии востребованной.

– Не было такого! – побелев то ли от злости, то ли от правды, произнесла Стелла, уставившись на меня. Но – тихонько, чтобы ее моя собеседница не услышала. – Ерунда какая!

– А ты приезжай, – ворковала Марфа. – Посидим, покушаем. День к исходу клонится, вечерять пора.

Придется ехать, есть приглашения, от которых нельзя отказываться. Да и расклады после субботней ночи могли поменяться, лучше заранее узнать, что там к чему, чем после себе локти кусать от того, что упустил подобный шанс.

– Скоро буду, – пообещал я, – если в пробке не застрянем.

– Все это чушь, – сообщила мне Воронецкая сразу после того, как убедилась в том, что Марфа повесила трубку. – Полнейшая. Хотя да, Изольда бы тебе точно понравилась. У нее задница не меньше, чем у твоей Юленьки.

– Да что ты к Певцовой прицепилась? – удивился я. – Чего она тебе плохого сделала?

– Если бы она мне чего плохого сделала, я бы давно ее со света сжила, – фыркнула ведьма. – Ладно, пошли.

– Вообще-то у меня рабочий день не кончился, – заметил я, глянув на монитор. – Здесь государственная организация, а не частная лавочка, у нас так не принято.

– Принято, не принято, – отмахнулась ведьма. – Давай уже. Большая часть твоих коллег пребывает на пороге старческого маразма, они даже не вспомнят, во сколько ты ушел. Да и кто проверять станет?

Накаркала моя напарница, как ведьме и положено. Прямо на выходе из здания, в дверях, мы столкнулись с Розалией Наумовной, вернувшейся-таки на работу из коридоров власти, по которым она целый день сегодня бродила.

– Швецов, а ты куда собрался? – осведомилась она у меня и посмотрела на часы. – Пять вечера, еще час остался до звонка.

– Какого звонка? – опешил я.

– Раньше по завершении рабочего дня в организациях звонок давали. Как в школе, – пояснила мне начальница и перевела взгляд на Стеллу. – А это кто?

– Приятельница, – отозвался я. – Понимаете, Розалия Наумовна, нам просто надо…

– Интересная у тебя приятельница, – тон моей руководительницы неожиданно поменялся, да и Стелла как-то вдруг подобралась, словно к драке готовилась. – Неожиданно интересная.

– Добрый вам денечек, – растянув губы в очаровательной улыбке, прощебетала Воронецкая. – Нас с Валерой друзья ждут, вот я и решила его у вас похитить. Дело молодое, вы же понимаете?

– Понимаю, понимаю. – Покивала Розалия Наумовна, не сводя глаз с незамысловатого кулона черного металла, который всегда висел у Стеллы на шее прямо под горлом. – Но похищать сотрудников, тем более тех, которые еще входят в число моих друзей, я никому не советую. Разве что сегодня, в порядке исключения. Но завтра жду тебя на работе без опозданий, ясно? Так что особо с друзьями не засиживайся.

– Не буду, – немного растерянно пообещал я. Надо же, никогда ничего подобного от нее не слышал.

– Я пригляжу, – пообещала моей начальнице Стелла. – Поверьте, у меня есть поводы трогательно заботиться о нашем с вами Валере.

Розалия Наумовна ничего ей не ответила, просто прошла мимо, но через пару секунд до меня донесся ее шепот, правда, разобрать точно, что именно она произнесла, я не смог.

Зато, похоже, ее прекрасно поняла Воронецкая, поскольку она тут же остановилась, после резко, как волчица, всем телом развернулась в сторону моей начальницы, а лицо ее перекосила гневная гримаса.

– Смотри у меня, – тихо и очень веско произнесла Розалия Наумовна, погрозив ведьме пальцем, – не шали.

– Ты кто? – прошипела Стелла, глаза которой вдруг подернулись мутной пеленой.

– Непосредственный руководитель вот этого молодого человека, – ответила старушка, повернулась к нам спиной и отправилась туда, где слышались голоса

наших коллег, получивших благодаря моей приятельнице повод для разговоров и обсуждений на ближайший месяц. А то и на куда больший срок.

Впрочем, не им одним жизнь сегодня подкинула тему для размышлений. Я вот совершенно не понял, что сейчас произошло, но при случае непременно попробую в этом разобраться. Нет, я бы и сейчас с радостью прояснил ситуацию, но Розалия Наумовна осталась в здании, а Стелла, ведущая машину, к позитивному и конструктивному диалогу ни со мной, ни с кем-либо другим в данный момент была не готова. Она шипела как кошка, которой наступили на хвост, время от времени барабанила кулачками по рулю и периодически покрывала отборнейшей бранью водителей, которые каким-то образом мешали ей на проезжей части. То есть всех встречных и поперечных.

Я, кстати, еще сильнее зауважал после этого Розалию Наумовну. Нет, у меня никогда не вызывал сомнения тот факт, что она тетка крученая, но до такого бешенства Стеллу даже я ни разу довести не сумел.

Вот только непонятно, что же такое она сказала? И откуда знает слова, которые довольно опытную ведьму так выбесить могут? Может, это как-то связано с ее сестрой, Павлой Никитичной, той, с которой она меня не так давно познакомила? Та вообще бабуля лютая до края, это я сразу понял.

Нет, сколько всего нового можно узнать о тех, кто, казалось, известен тебе до мелочей, надо просто взглянуть на них под другим углом. Воистину, жизнь – непредсказуемая штука. Но тем она и хороша!

– Слушай, а мы куда направляемся? – повертев головой, спросил у Стеллы я. – Это же Кутузовский, по всему выходит, что ты рулишь в сторону Кунцева, а это не сильно разумно, мы так изрядную петлю заложим. Или ты решила немного покрутиться по МКАДу для успокоения нервов? Так это не сильно хорошая идея, там все встанет намертво.

– Я знаю, куда еду, – прошипела ведьма. – Швецов, хоть ты меня не беси!

– Вообще-то с самого момента нашего знакомства это стало хорошей традицией, – не удержался я от того, чтобы ее немного уколоть. – Все-все, молчу, не отвлекаю водителя во время движения. Но предупреждаю: мне тайны мадридского двора не по душе, потому, как только ты остановишься, я

отправлюсь в метро. Или поймаю машину да и рвану в некий подмосковный коттеджный поселок прощения у одной нашей общей знакомой просить. Ну да, это не в моих привычках, да и выбрал я лимит извинений за последнее время, но в данной ситуации…

Стелла злобно засопела, крутанула руль, подрезав какого-то оторопевшего мужика на «Мицубиси», и подкатила к небольшому ресторанчику, находящемуся на первом этаже красивой и добротной «сталинки».

– Все, приехали. – Голос Воронецкой был спокоен, но сжатые кулачки выдавали истинный настрой. – Вылезай, пошли ужинать.

– Слушай, вот что хотел у тебя спросить, – отстегивая ремень безопасности, произнес я. – Изольда, которая в разговоре фигурировала, – она на самом деле ничего так? Просто вот какая выходит печальная ситуация – с тобой мы теперь краями, Юльку ты от меня отшила, надо же мне как-то решать личный вопрос, верно? Я и подумал, может…

– Ты там что-то про лимиты говорил? – Воронецкая так бахнула дверцей, что машина даже вздрогнула. – Валер, ты их превысил уже по всем нормам. Все, за мою нынешнюю шутку мы в расчете, потому заканчивай давай. И очень тебя прошу: внутри веди себя пристойно, без своих обычных закидонов.

– Сама виновата, – уже нормальным тоном сказал ей я. – Сначала обиду выдумала, потом в нее поверила, а после начала мне мозг клевать. Ладно, проехали.

Ресторан внутри оказался вполне симпатичный, не сказать уютный. Народу по причине буднего дня и, догадываюсь, немалых цен в зале было немного, но Марфу среди них я все равно не углядел.

– Добрый день, – поприветствовала нас крайне симпатичная хостес и тут же осведомилась: – У вас заказан столик?

– Нет, – признался я, – но зато он заказан у одной моей знакомой…

– Нам в закрытый зал, – перебила меня Стелла. – Он Швецов, я Воронецкая.

Хостес глянула в какой-то список и прощебетала:

– Прошу следовать за мной.

«Закрытый зал». Я ощутил себя героем времен «сухого закона» в Америке тридцатых годов. Тут тишина и покой, люди пьют ситро и чай, а где-то там, за шторами и пятью дверьми, громыхает джаз, девочки дергают стройными ножками на сцене и водопадом льется виски.

Не угадал. Не было в закрытом зале ни сцены, ни джаза, ни девочек. Зато там обнаружилось некоторое количество хорошо мне знакомых личностей. Не скажу, что это меня сильно удивило, нечто подобное я и ожидал увидеть. Больше меня изумило то, насколько они были дружелюбны по отношению друг к другу, особенно если учитывать их поведение при прошлых встречах, включая последнюю, субботнюю.

И тем не менее, когда мы со Стеллой вошли в совсем небольшой зальчик, в котором не имелось окон, а свет был более чем приглушенный, дружная компания, состоящая из Шлюндта, Арвида, Ростогцева и Марфы, чокалась бокалами, наполненными багровым вином. Впрочем, в случае с вурдалаками я бы не стал утверждать, что они употребляют именно дар лозы. Кто их знает, кровососущих?

– А вот и наш друг, – добродушно возвестил Ростогцев. – Заждались, заждались!

– Долго ехали. – Погрозила пальцем Стелле Марфа, на этот раз менее всего похожая на провинциальную добрую бабушку. Посконно-домотканую одежду и тапочки, которые были надеты на ней при нашей прошлой встрече, сменили деловой брючный костюм и туфли, причем сидело это все на ней отменно. Бизнес-леди в возрасте, да и только. Добавим сюда часы Chopard, явно из лимитированной серии, а также аромат незнакомых мне дорогих духов, и останется только восхититься тому, с какой легкостью эта дама мимикрирует. – Мы уже третью бутылку распечатали. Скоро захмелеем, а дела на трезвую голову делать надо.

– Мое почтение, господа и дама. – Помахал я им рукой. – И приятного аппетита.

– Присоединяйся, – пригласил меня Шлюндт, указывая на свободный стул, находящийся строго напротив него. – Хоть бы вот сюда, Хранитель.

– Спасибо, что вы мне указали на мое место, Карл Августович, – улыбнувшись, сообщил антиквару я. – Это приятно.

Слишком он был сегодня благостен, слишком добродушен. Это не к добру.

– И мне стул принесите, – велела хостес Стелла. – Даже непонятно, почему…

– Мне тоже, – перебил ее Арвид. – Мне тоже непонятно. Марфа, разве мы приглашали твою подручную присоединиться к нашей компании?

– Не припоминаю такого. – Отпив вина, меленько покивал Шлюндт. – Но если она сядет за наш стол, то можно, например, еще и Джуму из канализации позвать. Почему нет? Да, она смердит гнилым мясом и обитает среди отбросов, но кто ей запретит с нами перекусить? Да и то – все же она королева гулей, а это какой-никакой, но статус. Уж лучше трапезничать с королевой трупоедов, чем с никчемушной зазнавшейся ведьмой.

– Вон пошла, – коротко велела побелевшей как бумага Стелле Марфа. – Вон, я сказала.

Хостес посмотрела на нее, на Ростогцева, тихонько вышла из залы и прикрыла за собой дверь.

– Нет. – Коротко глянув на дернувшуюся к двери Стеллу, я уселся на стул и взялся за салфетку. – Она остается, и это не обсуждается.

– Но за стол с нами она не сядет, – холодно заметил Арвид. – Извини, Хранитель, но есть вещи, которые на порядок выше даже тех тем, которые мы собираемся обсудить.

– Разве кто-то на этом настаивал? – Удивленно изогнул я левую бровь. – Правила есть правила, все понимаю. Но она останется здесь.

Дело было не в нонконформизме или максимализме, я в них и раньше замечен не был. И даже не в том, что мне хотелось в очередной раз натянуть этой компании нос на затылок, я не настолько глуп. Ясно же, что любой из них, если захочет, выпотрошит меня прямо здесь за считаные секунды как рыбу, в том числе и субтильный внешне Шлюндт. Просто мне, как это ни странно, было спокойнее, когда Стелла находилась рядом. Не знаю почему, отчего, но это так. К тому же я отчасти виноват в том, что ее только что вот так размазали. Уверен, не доведи я ее до белого каления, она бы подобную ошибку не совершила.

– Пусть, – разрешила Марфа. – Но на этот раз она будет наказана, и ты, Хранитель, индульгенцию для нее не испрашивай.

– Только без членовредительства. – Выбил я барабанную дробь по столешнице. – Кто знает, что случится завтра? Вдруг мне понадобится надежный подручный в ее лице, а она после ваших экзекуций ходить не сможет.

Стелла тем временем уже оказалась у меня за спиной, и ее ладони опустились мне на плечи.

– Я подумаю, – помолчав несколько секунд, ответила Марфа. – Подумаю.

– И еще насчет нашей дружной компании. – Я обвел глазами присутствующих. – За столом кое-кого не хватает, не так ли? В прошлый раз нас было больше, да-да. Если точнее, что-то я господина Михеева не вижу. Отчего?

– Чего ради ему тут быть? – Недовольно скривился Ростогцев. – Хранитель, что за блажь?

– В самом деле. – Шлюндт неторопливо отрезал кусочек мяса, наколол на вилку, отправил в рот, прожевал, а после промокнул губы салфеткой. – Валерий, есть мы, и есть они. Иногда мы с судными дьяками можем встречаться и что-то обсуждать, изредка даже оказывать друг другу помощь, но это не значит, что нас связывают некие узы. Их нет и никогда не было. Мы на разных сторонах баррикад. Ты – с нами. Он – там. Прими это как данность.

– Мне так не кажется, – заявил я, ощутив, как пальцы Воронецкой чуть сжали мои плечи. Кажется, она пыталась дать мне что-то понять, но что именно – не знаю. Или просто хотела успокоить? Так я вроде и не нервничаю.

– Это по неопытности, – мягко пояснил антиквар. – Ты с ними мало сталкивался, потому не понимаешь до конца тех жизненных принципов, по которым они существуют. Если говорить метафорично, то ты видишь фасад этого здания, с белой побелкой, лепниной и прочими архитектурными изысками, но даже не представляешь, какие темные и опасные коридоры и переходы начинаются прямо за дверью. Поверь, каждый из нас – я, князь, Марфа и ты в том числе – для них лишь потенциальная цель, и не более. И каждый из дьяков с легкостью перешагнет через наши трупы, если им это понадобится для дела. Даже в том случае, если мы будем неповинны ни в чем. Они не злодеи, конечно, нет. Но их мораль вне и наших, и людских категорий. Она существует только для них – и более не для кого.

– Все можно было сказать куда короче, – проворчал Ростогцев. – И да, если есть возможность их не видеть, то я ей обязательно пользуюсь. Тем более от них одни убытки.

– Будь по-вашему. – Склонил голову я. – Но если Михеев выскажет мне хоть какие-то претензии по данному поводу, то я переадресую его к вам.

– Не выскажет, – усмехнулся Арвид. – Нет у него на это права, он не участник сделки. В тот раз он выступал гарантом твоей безопасности, не более того. А на что может претендовать гарант? Ни на что.

– Собственно, поэтому я и огорчен его отсутствием, – с легким удовлетворением отозвался я. – Гарант – это удобно и полезно. Но! За это время мы узнали друг друга куда лучше, я уже понял, что имею дело с достойными… кхм… партнерами, потому мы можем обойтись и без постороннего присутствия.

Дверь в залу приоткрылась, в нее заглянул молодой человек, судя по внешнему виду, официант.

– Прошу прощения, – подал он голос. – Господа и дамы, есть какие-то пожелания?

– Да, верно. – Шлюндт подцепил со стола массивную кожаную книжицу. – Валерий, ты же со службы, наверняка хочешь есть. Закажи себе что-нибудь. Рекомендую фрикасе из куриных желудков с эстрагоном. Блюдо не самое

замысловатое, но здесь его готовят очень хорошо.

– У вас есть окрошка? – вдруг громко спросила Стелла. – На квасе? Есть? Вот ее и подайте.

Официант вопросительно глянул на меня.

– Принесите, – подтвердил я. – И хлеба ржаного.

– Молодец, – похвалила меня Марфа. – Лучше русской кухни ничего нету. И полезней! Карл Августович, очень тебя прошу, молчи, не затевай спор, и так уже час языками попусту мелем, а дело стоит. Давайте лучше выпьем. Валера, ты как насчет водочки? Эти вон вино хлещут, а мне чего покрепче хочется, только одной как-то невместно.

– Почему нет? – неожиданно для себя самого согласился я. – Можно и водочки. Опять же – Стелла здесь, если надергаюсь, она меня домой отвезет. Да, дорогая?

– Конечно, родной, – в тон мне ответила Воронецкая.

Окрошку подали на редкость быстро, и я, не обращая внимания на соседей по столу, которые как раз закончили трапезу, начал бодро работать ложкой, тем более что рюмка водки, огненным шаром прокатившаяся по пищеводу, пробудила зверский аппетит.

– Н-да, время и впрямь поджимает, – печально констатировал Карл Августович, щелкнув крышкой массивного золотого брегета и глянув на циферблат. – Валера, ты же будешь не против, если мы начнем обсуждать то, ради чего собрались?

– Абсолютно, – ответил я, прожевав кусок очень вкусного и душистого хлеба. – И сразу – да, я не против, если госпожа Марфа вольется в наш дружный коллектив. Собственно, я это и ей говорил, и вам тоже. Сказал бы и остальным, но они мне нечасто звонят.

– Вот тебе и раз! – усмехнулась верховная ведьма. – Все так просто и несложно. Спасибо, молодой человек, мне сейчас было приятно. И я это запомню.

– Не сказал бы, что все очень просто, – желчно заметил Арвид. – Я не против того, чтобы наш круг расширился, но мне кажется, что вновь прибывшие концессионеры должны иметь меньше преференций. Например, получать материалы от Хранителя позже остальных. Это мне кажется справедливым.

– А мне нет, – тут же отозвался Шлюндт. – Подобные полумеры ведут к возникновению конфликтов, а наш юный друг еще в прошлый раз дал нам понять, что ему подобная головная боль не нужна. Как там было? «Всех вас на хрен пошлю»? Или что-то в этом роде?

– Ну да. – Я с неохотой оторвался от изумительно вкусной окрошки. – Все так и случится. Господа и Марфа, давайте я все же сначала поем, а то эти разговоры весь смак от пищи убивают. Стелла, душа моя, скажи юноше за дверью, чтобы они мне еще тарелочку принесли. И пирожков с мясом, если есть. Знаешь, такие вот маленькие бывают, с коричневой корочкой.

– Хорошо, – покладисто ответила ведьма и отправилась выполнять мою просьбу.

– Ну а чтобы развеять скуку, вот вам предмет для обсуждения, – сообщил я сотрапезникам и положил в центр стола рисунок, на котором были изображены кулон и кольцо из моего сна.

Глава третья

Есть-то я ел, но то и дело поглядывал на лица сотрапезников, которые по очереди изучали рисунок, передавая его друг другу. Вурдалаки выглядели чуть озадаченными, Шлюндт – безмятежным, из чего я понял, что этот хитрец, даже не имея дополнительной информации, уже сделал кое-какие выводы, ну а Марфа и вовсе на листок глянула исключительно для проформы. Оно понятно, ничего нового для себя верховная ведьма увидеть не могла, ибо получила данные изображения раньше всех остальных. Не просто же так Стелла рисунок еще в моем подвале сфотографировала, верно?

– Так мы чего ищем? – уточнил Ростогцев. – Кулон? Или же перстень?

– Это кольцо, – поправил его Карл Августович. – Да-да, уважаемые сотрапезники, именно так. Должен заметить, что современное народонаселение совершенно не разбирается в деталях, которые отличают кольцо от перстня, оно ориентируется только на ширину украшения и размер камня, ему сопутствующего. Ну или же полное отсутствие такового. Между тем европейские ювелирные традиции, сложившиеся еще в те века, которые принято называть Темными…

– Карл Августович, это очень интересно и познавательно, но для лекции о мировых ювелирных традициях мы можем выбрать другой день и время, – заявил Арвид. – А мне сейчас хотелось бы определиться до конца с нашими внутренними делами. Позиция Хранителя понятна, я от него другого и не ждал. Но…

– Так вроде уже определились? – холодно заметила Марфа, постучав ногтем указательного пальца по рисунку, лежащему перед ней. – Ты мне сам вот эту картинку передал, стало быть, не против моего присутствия.

– Поддерживаю, – отпив кофе, произнес Шлюндт. – Акцепт в чистом виде. Стелла, голубушка, раз уж ты сегодня у нас за распорядителя, закажи мне пару эклеров. Только с заварным ванильным кремом, хорошо? Не с шоколадным.

Воронецкая, только-только вернувшаяся обратно в кабинет из коридора, на секунду зависла, после выдавила из себя улыбку и снова скрылась за дверью.

– Арвид, если есть желание сорвать на ком-нибудь зло, можешь после того, как эта вертихвостка вернется, попросить ее заказать тебе, например, тартар или стейк с кровью, – предложил сумрачному вурдалаку Ростогцев. – Вон у нее как скулы свело, не нравится на посылках служить. Марфа, я полагаю, будет не против?

– А что я? – Передернула плечами ведьма. – У нее теперь, судя по всему, другой хозяин, его и спрашивайте.

– Неправильный подход к вопросу. – Я отправил в рот последнюю ложку окрошки и печально глянул в опустевшую тарелку. – Можно даже назвать его провокационным. Можно, но я не стану этого делать, пропустив данную шпильку

мимо ушей, в ознаменование новой фазы наших совместных отношений. Но на всякий случай замечу, что я на редкость мелочен и мстителен.

– Валерий преувеличивает, – благодушно сообщил присутствующим Шлюндт. – На правах того, кто с ним знаком дольше остальных, ответственно заявляю: он не таков. Он просто хочет казаться хуже, чем есть на самом деле.

– Прямо как я в молодости, – усмехнулся Арвид, – до того, как осушил свою первую сотню смертных.

– Все относительно, – вступил в беседу Ростогцев. – Думаю, один из моих подручных, которого звали Данилой, мог бы с вами не согласиться, господин антиквар.

– Сейчас подадут. – Снова вошла в кабинет Стелла.

– Очень кстати. – Щелкнул пальцами Арвид. – Вот что, милочка, попроси-ка подать мне стейк с кровью, степень прожарки «блю». И проследи, чтобы его сдуру чесноком не натерли.

– Хм, – удивился я, – а мне рассказывали, что вам на чеснок и осиновые колья плевать.

– Плевать, – подтвердил вурдалак, – так и есть. Просто чеснок, на мой взгляд, изрядно портит вкус блюда.

– Или отбивает запах не слишком свежего мяса, – рассмеялся князь. – Но тут, полагаю, с провиантом все в порядке.

– Кому еще что заказать? – с невероятным сарказмом, но при этом крайне угодливо склонилась перед нами Стелла. – Готова выполнить любое пожелание.

– Пока все, – холодно, даже не повернувшись, произнесла Марфа. – Ступай.

Ну вот, а говорила, что ей не хозяйка.

– Вернусь к изначальному вопросу, – снова вступил в разговор князь. – Мы чего ищем-то – кулон или кольцо? И еще хотелось бы услышать дополнительные комментарии. Валера, ты всегда какие-то конкретизирующие детали в письмах указывал, так вот и сейчас они не лишними будут.

– Что именно мы ищем, не знаю, – признался я. – Думаю, что кулон. На нем акцент специально не делался, но есть у меня такое ощущение. Что же до деталей – нет проблем. Сдается мне, что дело происходило в…

– Стоп! – Громко хлопнул в ладоши Карл Августович, прерывая меня. – А вот сейчас я против. Что вы так на меня смотрите? Да, я не хочу, чтобы Валерий оглашал подробности своих снов здесь и сейчас.

Вурдалаки переглянулись, Марфа ехидно улыбнулась.

– Итак, господин Шлюндт, похоже, уже смекнул, что к чему, единственное, он до конца не уверен в своей правоте, – обличительно заявила она. – Ставлю сто к одному, что все обстоит именно так. И теперь он желает выиграть время.

– А то мы не догадались, – недовольно пробурчал Арвид. – Только ничего у вас, господин антиквар, не выйдет. Валерий, рассказывай. Большинство за, не так ли? Я так и полагал.

– Желаете по «гамбургскому счету»? – весело, не сказать задорно, осведомился у него Шлюндт, подмигнув мне. – Извольте. Просто я хотел проявить некую деликатность, но если нет – так нет, подчиняюсь большинству. Валера, прошу.

Я не стал особо чиниться и выложил все, что они хотели слышать, в очередной раз отметив, что, конечно, сны пересказывать – дело неблагодарное. Та минимальная связность и логичность, которая имелась в этом порождении подсознания, теряется напрочь. Впрочем, моих слушателей все это, похоже, не слишком беспокоило, да и уточняющие вопросы они задавать не смущались.

– Ну? – Дослушав меня, Шлюндт откинулся на спинку кресла, ехидно улыбнулся, сплел пальцы рук в «замок» и обвел взглядом остальных концессионеров. – У кого-то есть идеи? Или предложения? Может, кто-то желает прямо сейчас порадовать нашего юного друга фразой: «А я знаю, что это и где оно лежит»?

– Мне и так сейчас радостно, – заметил я, берясь за ложку и благодарно кивая официанту, который поставил передо мной вторую порцию окрошки. – Да и с чего печалиться? Еда вкусная, платите за нее вы, на улице лето. Опять же – любимая женщина рядом. А еще верные друзья в вашем лице, которые сейчас решают за меня мои проблемы. Марфа Петровна, может, еще по рюмочке ахнем? Вы как?

Стелла, которая снова пристроилась за моей спиной, издала некий еле слышный горловой звук, как видно, среагировав на фразу «любимая женщина».

– Нехитрые радости юности. – Умильно улыбнулся антиквар. – Понимаю и даже завидую. Ах, куда ушло то время, когда я сам удовольствовался малым, не помышляя о вершинах горних?

– Не уверена, что подобное когда-то вообще имело место быть, – усмехнулась Марфа, чокнувшись со мной мигом запотевшим лафитничком, который я за мгновение до этого наполнил водкой из графина, стоявшего в полоскательнице со льдом. – Полагаю, ты всегда хотел иметь все и сразу, даже тогда, когда еще толком и говорить не умел. Ваше здоровье, господа!

– Да? – Шлюндт почесал переносицу. – Ну, может быть и так. Но все же – кто-то, кроме меня, берется ответить на вопрос, который перед нами в очередной раз поставил Валерий? Или нет?

– Пойду я. – Арвид встал из-за стола, громыхнув креслом. – Все равно уже все ясно.

– Вот! – назидательно произнес Шлюндт. – Тебе дискомфортно, друг мой, а я как раз и хотел этого избежать. В данном конкретном случае разобщенность не является поводом для печали. Прочел, понял, что не знаешь верного ответа, расстроился – но немного же. Незначительно. Не так, как сейчас.

– Благодетель, – сказал, как плюнул, вурдалак и направился к выходу.

– А стейк? – уточнила Стелла. – Его только готовят.

Арвид вернулся обратно, достал из кармана бумажник, положил на стол две купюры по пять тысяч, кивнул присутствующим и молча вышел из кабинета.

– Ну, наверное, и я поеду. Дел еще немало, в мой новый гемологический центр комиссия нагрянула, надо понять, во сколько обойдется положительный акт проверки. – Поднялся со своего места Ростогцев. – Был рад всех повидать. Валерий, жду новых писем.

– Но это не завтра, – промокнув салфеткой рот, ответил ему я. – Сами понимаете, с текущим вопросом сначала надо разобраться.

– Само собой. – Глава семьи вурдалаков, подобно своему собрату, кинул на стол пару банкнот. – Марфа, я рад, что нас в этой жизни связало хоть что-то, кроме давней неприязни. Как минимум тост за здоровье, адресованный вурдалакам.

Верховная ведьма одарила его улыбкой, а после проводила взглядом.

– А ты что же? – уточнил у нее антиквар. – За ними не последуешь?

– И не подумаю. Они тебя знают, конечно, но не так хорошо, как я. Так что посижу, послушаю, что ты тут рассказывать станешь.

– Может, и не стану. – Шлюндт ковырнул ложечкой стоящее перед ним пирожное. – Откуда такая уверенность?

– А куда ты денешься? – ласково пропела ведьма. – Ладно эти двое, вурдалаки сроду особой сообразительностью не отличались, но меня, повторюсь, ты на эти свои старые трюки не поймаешь.

– Молодой человек в данный момент является заказчиком, я – исполнителем. – Посуровел Карл Августович. – И конфиденциальность наших с ним отношений, некая доверительность, можно сказать…

– Только не произноси слово «интимность», – немного гротескно взмолилась Марфа. – А то вон, моя девочка ревновать начнет, и ничего хорошего из этого не выйдет. Обычная женщина способна на многое, когда в ее душе затронут подобную жилку, а уж что может сотворить ведьма в подобной ситуации…

Впрочем, тебе и представлять не надо, достаточно просто вспомнить Париж.

– Да уж, такое не забудешь. – Шлюндт потер правый бок. – Но все же вынужден настаивать на своей просьбе.

– Хорошо, хорошо, – вздохнула ведьма и поднялась с кресла. – Вот только одно мне покоя не дает. Ты так и не сказал, что принимаешь заказ. Я до того в ваших торгах не участвовала, не знаю, есть ли какая-то утвержденная формулировка изъявления согласия, но уверена, что она должна быть.

– Утвержденной нет. – Оторвался от окрошки я. – К чему эти пустые формальности? Но в целом вы правы.

– Ну, как-то так я и думала, – произнесла Марфа. – Карл, зафиксируй сделку, и я пойду себе.

Стелла еле слышно хихикнула.

– Ну а нет – так останусь, послушаю, о чем речь пойдет, – выждав паузу, сообщила нам ведьма и уселась обратно в кресло. – Рассказывай, Шлюндт, рассказывай. Я же сразу поняла, что ты эти вещички признал. Поведай нам их историю.

– Ну, со сделкой ты меня подловила, – признал антиквар. – Вот поэтому я и не хотел видеть тебя в нашей компании. Эту парочку провести легко, с тобой куда сложнее.

– Выдумаешь что-то посерьезнее в другой раз, – сухо сказала Марфа. – Может, и выгорит дельце. Карл, ближе к делу. Если не начнешь говорить, то минут через десять сюда вернутся наши кровососущие друзья, очень злые и недовольные, и причиной их душевной нестабильности станешь ты. Я найду нужные слова, ты меня знаешь.

– Кто бы сомневался. – Карл Августович повернул голову в сторону официанта, вошедшего в кабинет. – Что там, стейк? Отлично. Я не очень люблю мясо с кровью, но иногда позволяю его себе откушать.

Не могу сказать, что я очень хорошо изучил характер этого старичка, это было бы неправдой, но сейчас даже мне стало ясно – он валяет дурака. Почему, зачем – пока неясно, но это факт. И Марфа, несомненно, пришла к тому же выводу, очень уж у нее взгляд колючий стал.

– Вроде бы повар не оплошал, но сейчас проверим. – Шлюндт вооружился вилкой и ножом, отрезал от стейка небольшой кусочек и отправил его в рот. – Да, недурственно, недурственно, мясо отдохнувшее. Итак, душа моя, ты желаешь узнать, что это за вещи? Изволь. Валера, ты в своем рассказе упомянул страну, но не назвал город, хотя, как мне кажется, его узнал. Неаполь, не так ли?

– Именно, – подтвердил я, подцепив из хлебной плетеной корзины последний пирожок. – Но поскольку сомнения все же имелись, решил промолчать. В вашей компании одно слово не так скажешь – и все, ты уже виноват.

– Неаполь, – прожевав еще один кусочек говядины, мечтательно произнес Шлюндт, – город достославный и невероятно древний, камни его мостовых многое бы могли рассказать, умей они разговаривать. Эти камни слышали звон греческих кифар, ноги римских легионеров вдавливали их в землю, и даже ступни Петра и Павла, по слухам, почтили их вниманием.

– Это вы про апостолов речь ведете? – уточнила Стелла.

– О ком же еще? – подтвердил Шлюндт. – Н-да… Да и что здесь такого? Это лишь два имени из списка тех великих, кто связан с историей Неаполя. Причем список этот весьма изряден, и почти каждая персоналия в нем – легенда. Например, непобедимый Ганнибал, который так и не смог покорить этот город, ничего у него не получилось. Да что Ганнибал? Именно там закончилась многовековая история одной из величайших империй прошлого, да-да. Ромула Августула, последнего официального императора Рима, сослали именно в Неаполь, назначив недурственное денежное содержание и выдав пару слуг.

– И? – поторопил я антиквара, зная, что его сейчас может занести в неведомые дали и мне придется тратить время на то, что когда-то давно мне уже гиды рассказывали.

– Что «и»? – как-то даже удивился антиквар, нанизывая на вилку очередной кусочек мяса. – На редкость приличным человеком оказался Одоакр, хоть по

происхождению и являлся варваром. Если точнее, по отцу он был гунн. Однако же вот, повергнув империю, не удавил носителя высшей власти, не зарезал его, пожалел совсем юного паренька. Из чего следует вывод: слова «варварство» и «жестокость» не являются синонимами.

– Резонно. – Я дождался, когда Карл Августович прожует мясо, и показал ему листок с рисунком. – А с этим что?

– С этим? Здесь нет ничего сложного, если ты ведешь речь о прошлом данных предметов. Это работа старых флорентийских мастеров, а если конкретней, к ней приложил руку кто-то из семейства Аяччи. Не Пьетро, основатель этой воистину великой династии, а кто-то из его сыновей, скорее всего, Джакомо, это видно по рисунку, свойственному для двадцатых-сороковых годов четырнадцатого века. Пьетро к тому времени уже отошел от дел, а Джакомо, напротив, как раз достиг пика своего мастерства. Аяччи как раз выкупили землю у моста Санта-Тринита и поставили там мастерскую с прилегающей к ней лавкой. Первыми из флорентийских золотых дел мастеров поставили! Правда, ее после наводнение разрушило, на пару с мостом, но это не суть важно.

– Странно, – вдруг подала голос Стелла. – Я была во Флоренции, там всю ювелирку у другого моста продают. Как его… Понте… Понте…

– Понте-Веккьо, – любезно подсказал ей Шлюндт. – Истинно так, его сейчас так и называют – «золотой мост». Только в те времена он носил другое имя – «скотский мост», поскольку на нем мясом торговали. А рядом бойни располагались, и вонь стояла такая, что не продохнешь. Да и помоложе амулет того моста, помоложе. Ненамного, но тем не менее. Ну, как мне думается. Валерий, последний вопрос: в кулон был вставлен рубин?

– Скорее всего. – Кивнул я. – Хотя, может, и турмалин какой-нибудь, он же тоже красного цвета.

– Да ну, какой турмалин? – отмахнулся антиквар. – Хотя рад, что ты настолько эрудирован, это приятно слышать. Нет, друг мой, это самый что ни на есть рубин. Видишь ли, Карл Калабрийский, старший сын короля Неаполя Роберта Анжуйского, очень любил свою дочь, которую звали Мария. Любил и баловал, как положено отцу. В том числе он как-то заказал для нее кулон по последней флорентийской моде. Да-да, Стелла, и тогда тоже мода существовала,

представь себе. Мало того, в надежде на то, что его жена Мария Валуа подарит ему в будущем еще не одну дочь, он заказал несколько кулонов, так сказать, про запас. А чтобы непоседливые девчонки после не передрались, выясняя, где чья драгоценность, велел вставить в них камни разного цвета. Марии, например, достался кулон с сапфиром. Правда, бедная девочка не сумела в должной мере оценить подарок, поскольку вскоре скончалась, лишь на несколько недель пережив отца. Надо думать, с отцовским подарком ее и похоронили, поскольку данная драгоценность ни на одном аукционе не всплывала и ни в одном каталоге не значится. Второй кулон, с аметистом, достался самой младшей дочери Карла, родившейся через полгода после его смерти и также названной Марией. В будущем она станет зваться графиней Альбой, проживет не очень длинную, но зато невероятно яркую жизнь и умудрится умереть своей смертью, что в те времена являлось немалой редкостью среди представителей венценосных фамилий. Подарок отца пройдет с ней через все злоключения и, скорее всего, найдет свое упокоение там же, где и его владелица, то есть в базилике Санта-Кьяра.

– Это два, – подытожил я. – И столько же осталось.

– Третий кулон… – Карл Августович посмотрел на стейк, поморщился и отодвинул от себя тарелку. – Н-да… Хотя нет, сначала о судьбе четвертого кулона, того, что был с изумрудом. Ему владелицы попросту не досталось. По слухам, Мария Валуа прихватила его с собой в паломничество в Бари, где собиралась его пожертвовать какому-нибудь монастырю, но сделать этого не успела, поскольку по дороге умерла. Ушлых людей и тогда хватало, так что наверняка кулон стащили еще до того, как тело этой бедняжки остыло. Мне говорили, что лет сто назад он вроде как мелькнул на одном закрытом аукционе, но сам я этого не видел, потому не рискну утверждать, что это правда.

– Ты очень многословен, – вздохнула Марфа.

– Уже почти все, – заверил ее антиквар. – Итак, третий кулон, инкрустированный рубином и более других интересующий нашу компанию. Он достался девочке по имени Джованна. Впрочем, иногда ее называют Иоанной, как правило, добавляя слова «Первая» и «королева Неаполя».

Как видно, он ждал какой-то реакции на эти слова, но ее не последовало. Не знаю, как насчет Марфы и Стеллы, но лично мне это имя ничего не говорило.

– Иоанна Первая, – немного изумленно повторил Карл Августович, – та, которая в совсем еще нежном возрасте умудрилась изумить своей развратностью итальянский королевский двор четырнадцатого века, чем, по сути, сотворила невозможное.

– Достойное деяние, – признала Стелла. – А что еще она сотворила?

– Много чего, – сообщил ей Карл Августович. – Например, плюнув на все существующие традиции, устранила неугодную ей вдову графа Дурацци невероятно оригинальным способом, а именно при помощи отравленной клизмы.

– Чего? – опешила Воронецкая. – Это как?

– А вот так, – рассмеялся Шлюндт. – Джованне тогда лет шестнадцать было, хотелось подурачиться. Скучным ей показалось просто подсыпать родственнице яд в вино или еду. А клизма – это весело. Это креативно. Она вообще была на редкость нескучная особа с полным отсутствием каких-либо моральных принципов. Например, она охотно смотрела на то, как душат ее мужа, а вслед за этим вышла замуж за того, кто это сделал. Собственно, ты, Валера, данную картину во сне видел.

– Веселые люди в Италии проживали в старые времена, – заметил я.

– Даже не сомневайся, – подтвердил антиквар. – Вся жизнь Джованны Первой – прямое тому подтверждение. Ты представляешь, ее ведь даже от церкви отлучили. Не скажу, что это редкое явление, но к венценосным особам подобные меры, как правило, не применялись. Эта затейница стала исключением из правил.

– Но закончила она все же скверно, – подытожил я, – ее тоже задушили.

– Увы и ах, – снова согласился со мной Шлюндт. – Только ради правды стоит заметить, что при таком образе жизни она и два десятка лет не должна была протянуть, а дожила почти до шестидесяти. Это сейчас не возраст, при нынешней медицине и косметологии, а по тем временам – древняя старуха. Так что данное деяние можно рассматривать с разных точек зрения. Впрочем, жить она, конечно же, хотела, и амулет это запомнил. Хорошо запомнил.

– Вы его видели, – утвердительно заявил я.

– Конечно. – Кивнул антиквар. – И с радостью поделюсь с тобой информацией о его местоположении, о чем официально и сообщаю. Так сказать, закрепляю сделку.

– Вот же ты скотина! – как мне показалось, даже с восхищением произнесла Марфа. – Нет слов!

Она с грохотом отодвинула кресло, погрозила Шлюндту пальцем и вышла прочь. Как только за ней закрылась дверь, антиквар захохотал во все горло.

– У Марфы практически нет слабых мест, – сообщил он нам, отсмеявшись и вытерев слезинки из уголков глаз. – Да и откуда? Таковые имеются у тех, кто обладает хоть какими-то человеческими эмоциями, а у нее их дотла выжгло время и беспрестанная борьба за место под солнцем. Но тщеславие никуда не делось, не любит она ощущать себя дурой.

– С огнем играете, – мрачно заметила Стелла.

– Девочка моя, если бы твоя хозяйка могла меня убить, то она бы это давным-давно сделала, – безмятежно отмахнулся антиквар. – Но я ей не по зубам, и она это знает. А вот тебе, конечно, придется лихо, это бесспорно. Ты стала свидетелем ее… Ну, не позора, разумеется, но того неприятного момента, когда она выглядела не лучшим образом. Сама рассуди: хитрая и умная Марфа сама себя поймала в ловушку, да еще и на глазах собственной прислуги в твоем лице. Что ты глазами хлопаешь? Она помогла выдавить отсюда вурдалаков, была уверена в том, что я блефую, сама же заставила меня в этом признаться, фактически захватила лидерство в надежде заключить трехстороннюю сделку, чтобы выскрести пару каштанов из огня, ничего не делая, и на тебе, такой поворот. Так что жить тебе, боюсь, осталось недолго, это точно. Ну, разве вот Валерий за тебя слово замолвит и тем самым твою судьбу маленько подправит. Но станет ли он это делать, даже учитывая ваши довольно тесные и близкие отношения? Я бы не стал подобное категорично утверждать.

– Марфа знает, что за мной вины нет, – неуверенно произнесла Воронецкая. – Покона побоится.

– И в этом я бы не был настолько уверен, – моментально возразил ей Шлюндт. – Что ей Покон? Она Верховная ведьма, Ночью ей власть над вашими телами и душами дана.

Стелла помолчала пару секунд, а после выдала на редкость умело сплетенную матерную тираду, чем ошарашила официанта, как раз в этот момент заглянувшего в кабинет. Он, как видно, хотел уточнить, не надо ли нам чего подать. Ну да, эти ребята всякое повидали, но не каждый же день изысканная и хорошо одетая дама столь лихо сквернословит на их глазах? Потому, как видно, он тихонечко дверь и прикрыл с той стороны, так ничего и не сказав.

Вот все же интересный старичок этот Шлюндт, никогда точно не поймешь, в кого именно он метит своими интригами. Конкретно сейчас кого он на крючок хотел поддеть? Старинную подругу Марфу из исключительно юмористических побуждений? Стеллу, которую терпеть не может и на похоронах которой охотно спляшет? Или все же меня? А что, запросто. Я впрягусь за Воронецкую, повздорю с Марфой, та, возможно, задумает мне глаз на задницу натянуть, и оп – он снова мой спаситель. Ну а как по-другому? Мне против этой лютой старушки не сдюжить, это точно, слишком разные у нас с ней весовые категории.

А если мы с Марфой не схлестнемся, так он так и так не в убытке. Или я снова придумываю страшилки для самого себя?

Но развел он ее очень лихо, прямо как по нотам. Красивая работа настоящего мастера. Всего-то пара фраз, сказанных в нужное время с нужной интонацией, а какой результат?

– Поживем – увидим, – я решил перевести разговор в плоскость, которая меня интересовала куда больше, чем все остальное. – Амулет. У кого он? Кто его нынешний владелец? Надеюсь, мне не придется снова тащиться куда-нибудь на кладбище?

– На кладбище? – кротко ответил антиквар. – Нет-нет, ничего такого. Хотя, ради правды, его последняя владелица именно там сейчас и находится, она года два как умерла. Но кулон ей в гроб никто не клал, не переживай даже.

– Уже хорошо. Только вот отчего мне как-то не по себе стало, Карл Августович? Какой-то голос у вас нерадостный.

– Просто дело в том, Валерий, что ты мне крайне симпатичен, – пояснил Шлюндт. – В человеческом смысле, разумеется, не подумай чего дурного. Ну, вроде того, что сейчас пришло в голову твоей беспутной приятельницы. И, признаюсь как на духу, мне не очень радостно сообщать тебе то, что ты сейчас услышишь.

– Интересно, будет хоть одна цацка, которую мы добудем просто и беспроблемно? – мечтательно произнесла Стелла, которую, похоже, совершенно не тронуло мнение антиквара о ее моральных качествах. Ну или она не сочла его оскорблением, потому что все так и было на самом деле. – Например, тихо-мирно украдем из музея или просто пойдем и купим?

– Кстати, о «купим», – оживился Шлюндт. – Валера, напоминаю тебе о жетоне, что ты мне обещал, и о монетах. Мне бы на них глянуть. Я тут переговорил кое с кем, покупатели на это добро имеются.

– Это все потом, – попросил я его. – Сейчас вы уж скажите нам: где кулон?

– Кхм… – откашлялся он. – Вы же слышали о Романе Митрохине? Не могли не слышать. Ладно, Иоанна Первая – это понятно, но про то, что случилось в семье человека из списка «Форбс» три года назад…

– Митрохин! – Стелла приложила ладони к щекам. – Вот же!

И она выдала вторую нецензурную тираду за последние десять минут, причем, как нарочно, именно в этот момент двери кабинета открылись и в них заглянула девушка-метрдотель. Она выслушала до конца словоизлияния Воронецкой, с уважением покрутила головой и неслышно притворила створки.

Впрочем, я Стеллу не винил, хотя бы потому, что мне тоже было что сказать. Другое дело, что позориться неохота, больно здорово моя напарница слова друг к другу лепила, у меня может так не получиться.

Штука в том, что я, конечно же, тоже знал о том, что случилось в семье Романа Митрохина. Мало того, я и его самого лично знал, отец меня с ним давным-давно познакомил, лет семь назад. Я тогда еще с родителями жил и к отцу в офис заскочил денег попросить. Ну, если точнее, извиниться, но это, по сути, одно и

то же. Просто мы накануне поругались, и он мне карты заблокировал, это его любимый трюк был. Наличка у меня имелась, но мы с Юлькой как раз собрались в Прагу махнуть на выходные, так что без карт было никак не обойтись.

Тогда я с этим Романом только рукопожатием обменялся и следом, конечно же, его немедленно забыл, но после, когда история о том, что случилось в семье одного из наиболее зажиточных людей России, обошла все интернет-издания, разумеется, вспомнил.

А теперь еще и понял, почему его жена так поступила. Неправы журналисты, дело тут не в душевной болезни и не в наркотиках, а кое в чем другом. Кулон. Это он заставил жену Митрохина задушить собственную дочь, а после попытаться убить его самого, и других объяснений тут быть не может.

Роман в ту страшную ночь уцелел, не прикончила его жена, но в башке у него в тот момент, когда он увидел мертвую дочь, что-то перемкнуло. Так-то бизнесмены, особенно подобного уровня, умеют держать любой удар, хоть моральный, хоть физический, люди слабые и эмоционально неустойчивые в российском бизнесе не выживают, даже на самом незамысловатом уровне, вроде овощной палатки. У нас ведь никогда не знаешь, что тебе прилетит в следующий момент и откуда именно. По крайней мере, я никогда не видел, чтобы мой отец хватался за голову и орал: «за что мне это все?» Он просто решал проблемы по мере их поступления, где-то с помощью юристов, где-то с помощью нужных людей на жаловании, а где-то просто деньги в ход пускал. Но чтобы срываться в запой или паниковать? Нет, это не про него. Даже в то утро, которое так не люблю вспоминать, он на меня не орал, это уж потом я краски сгустил. Нет, там все решал его тон, а не слова…

И Роман определенно относился к той же категории людей, что и мой родитель, но тут, как видно, нашла коса на камень. Надо думать, очень сильно он дочку любил, больше всего на свете, вот его и скособочило.

– Митрохин, – выдохнула Стелла, чуть успокоившись. – Тот самый подмосковный затворник? Я не ошиблась?

– Нет, – подтвердил антиквар, – все так. Искомый предмет у него, это абсолютно точно.

– Валер, – руки Воронецкой обвили мою шею, – может, нам все же не кулон нужен? Может, кольцо? А?

– Хорошо бы, если так, – вздохнул я. – Только вряд ли.

Глава четвертая

– Я в дом не полезу. – Стелла мигом отстранилась от меня. – И даже не уговаривай меня. Исключено!

– Тебе-то чего бояться? – осведомился у нее Шлюндт, ковыряя десертной ложечкой эклерный крем. – Ты же ведьма, значит, уже проклята, а твоя душа – не твоя, так что смерть – это только начало пути. Нет, есть вероятность того, что ты сможешь перевалить через столетний рубеж, а после найти дурочку, которой свои грехи передашь с частью силы, но они очень невелики. Думаю, тебя убьют гораздо раньше, и у меня есть основания для подобных подозрений.

– Звучит как угроза, – мигом ощетинилась как еж Стелла. Сторонний человек этого не заметил бы, но я уже научился улавливать ту тонкую интонационную грань, которая разделяла душевные состояния моей напарницы.

– Вовсе нет, это просто констатация факта, – немного равнодушно ответил ей антиквар. – Видишь ли, когда ведьма начинает позволять брать чувствам и эмоциям верх над расчетливостью и врожденным эгоизмом, то она обречена. Ты уже пересекла эту черту, совершаешь одну ошибку за другой, то и дело встаешь на чужом пути, наживаешь проблемы там, где их быть не должно, потому долго тебе не протянуть. И – нет, мне тебя не жалко. Более того, я ничего против этого не имею. Когда тебя не станет, Валера от этого только выиграет, а я всецело на его стороне.

– Потому что он для вас… – судя по некоторым скандальным ноткам, появившимся в голосе, Стелла собралась полностью подтвердить все то, что сказал Шлюндт, а это было ни к чему. Ну да, может, без нее мне будет и лучше, но… Не желаю я ее смерти. То ли привык к этой стерве, то ли еще почему. Не знаю. Вот потому я стремительно двинул кресло, на котором сидел, назад,

буквально припечатав стоявшую за мной ведьму к стене. – Ай! Больно же! У меня теперь на ногах синяки будут!

– Лучше синева на ляжках, чем цветы на могиле, – сказал ей я, глядя на антиквара. Тот усмехнулся, и его лицо в этот момент мне чем-то напомнило волчью морду. Видел я как-то по «Нэшнл Географик» фильм о жизни волчьей стаи, так там вожак так же скалился, когда на охоте не смог оленя задрать и тот от своры хищников в результате убежал.

Он ее провоцировал, это несомненно, причем весьма грубо и откровенно. Понял, что Воронецкая в данный момент находится в растрепанных чувствах, плюнул на свою обычную манеру неторопливого плетения паутины и решил, так сказать, сократить маршрут.

И сократил бы. Не станет Марфа с ним ругаться из-за какой-то невоздержанной на язык ведьмы, пусть даже та ей и приносит кое-какую пользу. Это я себя имею в виду, то, что Воронецкая информацию из первых рук получает. Опять же – мне ведь новую подругу можно заслать, верно? Мол, на место выбывшей из игры Стеллы приходит… Кого там верховная днем поминала в разговоре? Изольду? Вот она, к примеру.

– Предлагаю на этом пикировку закончить и вернуться к делу, – произнес я, не обращая внимания на ведьму, которая, злобно шипя и ругаясь сквозь зубы, безуспешно пыталась выбраться из-за кресла. – Карл Августович, вы уверены, что кулон в загородном имении Митрохина? Это точно так? Просто туда на самом деле попасть, как мне кажется, будет крайне сложно, и это я мягко выразился.

– Год назад точно находился там, – отозвался антиквар. – Оттуда и уверенность в его отсутствии на каком-либо кладбище, поскольку к тому времени Митрохин уже похоронил свою жену. Не стану врать, сам данное украшение в руках не держал, но видоком стал человек, которому в таких вопросах я вполне доверяю.

– Когда именно вы сводите слова «я» и «доверяю» в одну фразу, то… – просопела Стелла, – это просто… Ай! Ну больно же!

– Меньше говори, больше слушай, и больно не будет, – заверил я ее, а после снова обратился к Шлюндту: – Карл Августович, если можно, поконкретней.

Стелла ударила меня по спине кулачком, но дергаться прекратила, поняв, что просто так, не повредив свой гардероб, она из-за широкой спинки кресла не выберется.

– Один из моих, скажем так, коллег выступал в качестве оценщика, – пояснил Карл Августович. – Господин Митрохин решил выяснить, сколько стоят ювелирные украшения и камни, находящиеся в его ведении, уж не знаю, с какой целью. Может, по требованию управляющей компании, может, еще зачем. К слову, сумма вышла преизрядная, оказалось, что в свое время данный бизнесмен вложил часть свободных средств в южноафриканские алмазы. Вариант беспроигрышный, должен отметить, потому как драгоценные камни, особенно алмазы, в цене не падают, в отличие, например, от золота.

– Мне доводилось слышать и обратное мнение, – заметил я. – Карл Августович, прошу вас, не отвлекайтесь.

– Н-да. – Антиквар покивал. – Так вот, среди прочих ценностей имел место быть и массивный кулон с красным камнем. Ну да, таких пруд пруди, но с учетом того, что покойная жена Митрохина ранее точно владела вещицей, о которой мы ведем речь, то двух мнений тут быть не может. Да и приятель мой, на самом деле очень знающий специалист, упомянув его, добавил, что предмет сей определенно работы старых флорентийских мастеров.

– Специалист знающий, а вот как человек ваш приятель так себе, – фыркнула Стелла за моей спиной. – Разве он не должен был сохранять конфиденциальность данного мероприятия? Наверняка ведь она входила в договор с Митрохиным. Ай!

– А вот сейчас зря, Валера, ты ее припечатал. – Улыбнулся антиквар. – Она отчасти права. Даже, пожалуй, не отчасти, а почти во всем. Но, с другой стороны, если бы не разговорчивость моего приятеля, то сейчас мы бы ничего не знали. Еще добавлю в его оправдание то, что таким образом он вернул мне кое-какой должок, то есть я его вынудил нарушить данное клиенту обещание. И вообще, отпусти уже девочку, пусть она сядет за стол.

Я выполнил его пожелание, Стелла еще раз стукнула меня кулачком по спине, а после уселась на то самое место, куда не так давно уже пыталась пристроиться.

– Ну, если все обстоит так, как вы говорите, то все очень и очень печально, – вздохнул я. – Дом Митрохина – та еще крепость, и гостей там не любят.

Сказанное мной было чистой правдой, подкрепленной фактами, статьями в прессе, видеодоказательствами и даже несколькими судами разных инстанций. Впрочем, сейчас о Митрохине уже мало вспоминали, разве что на «Яндекс Дзене» время от времени появлялись заметки, как правило, скомпилированные из статей двух-трехгодовой давности, с их помощью начинающие блогеры пытались заработать первую репутацию на несвежей, но все же горячей теме. А вот раньше – это да.

Как я уже говорил, смерть дочери изрядно вдарила по душевному здоровью Митрохина. Ладно бы причиной таковой стала трагическая случайность вроде автоаварии, от нее никто не застрахован. Тоже великое горе, спора нет, но здесь никому, кроме господа Бога, претензию не предъявишь, судьба есть судьба. Но здесь ничем таким и не пахло, вот бизнесмен и сломался. Не до конца, но тем не менее. Вдобавок на все это наложилась довольно мутная история, произошедшая с одним из калининградских партнеров Митрохина за несколько дней до его личной трагедии. Тот вдруг ни с того ни с сего утонул в собственном бассейне, который был небольшим и мелким. Как после выяснили пронырливые журналисты, утопленник имел наглость запустить руку в глубокий Митрохинский карман, используя кое-какие логистические просчеты, и неплохо на этом заработал. Настолько, что на радостях утонул. При этом у него осталась дочь, которая, как ни странно, являлась ровесницей задушенной матерью Катеньки. Да еще и тезкой.

Разбитый горем отец и муж узрел в этом некие мистические знаки, тем более что накануне ему показали репортаж калининградского регионального телеканала, где крупным планом взяли плачущую девчушку, кричащую в камеру: «Пусть умрет тот, кто убил папу! Пусть вся его семья умрет». Как по мне, просто совпадение, не более того. Да и, зная журналистскую породу, могу предположить, что бедной малышке кто-то просто слова нашептал, а та их повторила. Ради хорошего кадра это племя на все пойдет, для них святого нет, мне ли не знать? Была бы у малышки мать – она бы не дала такого сделать, но покойный жулик, как назло, был отцом-одиночкой.

Но Митрохин рассудил по-другому, он, как я уже сказал, увидел в произошедшем некий божий промысел, а потом со свойственным ему прагматизмом и упорством начал строить свою новую жизнь.

Первым делом он отмазал жену от тюрьмы. Не знаю, в какие деньги ему это встало, учитывая резонансность дела, но тем не менее женщине вместо серьезного срока присудили лишь принудительное заключение в психиатрической клинике, в которой, как позже выяснилось, увы, не оказалось койко-мест. Они все были заняты, вот какая беда. И отправилась жена Митрохина отбывать наказание по месту проживания.

Хотя, думаю, экспертизу никто не подделывал, женщина эта на самом деле тронулась умом, что, впрочем, не слишком и удивительно, учитывая обстоятельства. И лично я не уверен, что ее смерть была, скажем так, естественной. Нет, муж тут ни при чем, думаю, она сама на себя руки как-то да наложила, и ее можно понять.

Только все равно правду, кроме самого Митрохина и нескольких его приближенных, никто не узнает. Хоронили супругу бизнесмена в закрытом гробу, а могилу не закопали, а залили бетоном, вот так-то. Хотя для приличия потом земли сверху набросали, разумеется, чтобы холмик образовался. Так что истинные причины ее смерти знают только стены дома, в котором она умерла, того, в котором и по сей день проживает ее муж, названный «подмосковным затворником». Дома, в который нет хода вообще никому, включая даже представителей органов власти. Не знаю, как Митрохин этого добился, но факт есть факт.

Он начал строить его еще до трагедии, хотелось товарищу иметь поместье в староанглийском стиле – добротное, многоэтажное, многокомнатное, с парком, конюшней и всем таким прочим. Когда случилась беда, стройка не остановилась, а, напротив, ускорилась, но в проект был внесен ряд изменений, превративших уютное изначально строение в довольно мрачное здание, по ряду признаков напоминавшее то ли крепость, то ли тюрьму.

Пока шли суд да дело (причем в самом прямом смысле), Митрохин заключил договор с одной известной своей деловой репутацией управляющей компанией, передав им права на ведение своего бизнеса, устроил судьбу дочери утонувшего делового партнера, назначив ей изрядных размеров пенсион и отправив все в ту же Англию, отбил изрядное количество поклонов в старых церквях и сломал десятка два ребер наиболее назойливым акулам пера. А как только дом достроили, переехал туда и с тех пор, насколько мне известно, территорию его не покидал. На похороны жены он и то не поехал. Про интервью любым

изданиям и все такое прочее можно даже и не упоминать.

Впрочем, рассказ Шлюндта о том, что его коллега каким-то образом с Митрохиным имел беседу, меня особо не удивил. За закрытыми глухими воротами имелся гостевой домик, эдакое место свиданий с большим миром. Волей-неволей затворнику все же приходилось с ним общаться, туда то и дело наведывались сотрудники управляющей компании, некоторые деловые партнеры из числа ключевых, которые с посредниками разговаривать не желали, кое-какая родня, большей частью дальняя, рассчитывающая отщипнуть крошку от состояния спятившего свойственника, ну и органы правопорядка, разумеется. Эти наведывались чаще всего. И по старым делам, экономического свойства, и по новым, связанным чаще всего с нанесением травм различной степени тяжести.

Ясное дело, что для журналистов вход за ворота был закрыт, о чем, кстати, их извещала специально повешенная табличка. Но это только распаляло пыл сочинителей, особенно тех, что помоложе, которые грезили скорой мировой славой, открывающей им врата великих возможностей. Потому время от времени будущие звезды прессы ночной порой пробовали перебраться через забор, чтобы забабахать убойный репортаж.

Подавляющее большинство из них попадало в недобрые руки охраны, получало несколько ударов в живот и по почкам, а после выбрасывалось за ворота. На камерах и иных устройствах слежения Митрохин не экономил, потому сложностей тут никаких не возникало. Впрочем, находились иногда удальцы, которые обнаруживали «мертвые зоны» или подменяли сигналы, а после умудрялись проникнуть на территорию придомового парка. Им везло меньше, до них добирались собаки, которых выпускали на ночь. Одного такого погрызли сильно здорово, он после в больнице пару месяцев лежал.

Ну а двоим довелось попасть в дом, где проживал миллионер-затворник. Один проживал, к слову, с тех пор как умерла жена. Охране, как и малочисленной обслуге, были выделены отдельно стоящие флигеля.

И вот тут начинается самое непонятное. Никто не знает, что эти двое увидели в доме, но всем известно, что с ними стало. Они спятили. Оба. С ума сошли в смысле, причем настолько крепко, что до сих пор в него и не вернулись, только таращились на окружающих испуганно да время от времени под себя ходили. В разное время разные люди, а результат один на двоих. И ведь это не девочки-

припевочки какие-то, это пусть молодые, но журналисты, товарищи с железными нервами и полным отсутствием свойственных большинству обычных людей принципов.

После этих случаев снова случился небольшой вал статей, в основном в интернет-изданиях, несколько спутниковых каналов выдали передачи-расследования на этот счет, в которых не прозвучало ничего нового, но тем все и кончилось, про Митрохина опять забыли.

Вот и мне бы про него не вспоминать, ан нет, пришлось. И, скажу честно, радости я от этого не испытал никакой. В свете того, что я узнал за последнее время о нашем мире, до того насквозь реалистичном и материалистичном, кое-какие нюансы этой истории расценивались мной немного не так, как раньше. Зачем, например, могилу цементом залили? Чтобы туда кто не забрался? Или наоборот – чтобы кто-то из нее не выбрался? Почему Митрохин в дом никого не пускает? Потому что видеть никого не хочет? Или же чтобы кто-то не увидел то, что для чужих глаз не предназначено?

– В этом доме гостей не просто не любят – их там попросту не бывает, – произнес Шлюндт, как мне показалось, с удовольствием. – И это тот случай, Валерий, когда все мои связи и знакомства бессильны. Рад бы помочь, но не могу.

– Печально, – вздохнул я. – Но если ваша наводка сработает и предмет станет моим, то гонорар вы получите, как и было оговорено.

– Само собой. – Покивал старичок. – А теперь, молодежь, я вас оставлю, а сам поеду. День к вечеру клонится, а у меня еще полно дел. Хотелось бы еще вопрос с монетами, конечно, разрешить, но есть у меня такое ощущение, Валера, что тебе сегодня уже не до меня. Но завтра мы все же по этому поводу встретимся. И еще надо бы обсудить одно дельце… Ладно, все завтра.

Антиквар положил на стол две тысячные купюры, после подумал, заменил одну из них на пятисотрублевку, помахал нам ручкой и вышел за дверь.

– Вот же жлоб! – усмехнулась Стелла. – Съел больше всех, даже Арвидовский стейк расковырял, а денег оставил с гулькин нос.

– Натура у него такая, – заступился я за Шлюндта. – Да и не видела ты настоящих жлобов, поверь. Ладно, это все мелочи. Что с Митрохиным делать – вот вопрос, я даже не представляю пока, с какого конца надо заходить. Тут взлом с проникновением, и то, по ходу, не вариант.

Я врал. Некая идея посетила меня почти сразу же, но была немедленно отметена в сторону, как полностью нереалистичная.

– Свою точку зрения на данный вопрос я уже изложила, – отозвалась Стелла, успевшая прихватить второй эклер, не тронутый Шлюндтом, и теперь с аппетитом его уплетавшая. – Как было сказано ранее, на меня не рассчитывай, я в этот дом не полезу. Понятия не имею, что с ним не так, но тут явно припахивает чем-то очень нехорошим. Не просто же так те журналисты рехнулись?

– Хорошо, – согласился я, – как скажешь. Но тогда и доли твоей в кладе, что я после отыщу для Шлюндта, не будет. До коммунизма, когда все достается всем поровну, наша страна так и не добралась, потому материальные блага распространяются исключительно среди тех, кто что-то делает, а не ровно сидит на попе. Но ты, если хочешь, можешь для отведения души погалдеть на тему «все разворовали, сволочи», я минутку-другую тебя послушаю.

– Валер, дело не в том, что я ничего делать не желаю, – задушевно сообщила мне ведьма, промокнув уголки губ салфеткой. – Мне страшно. Знаешь, я доверяю своей интуиции, она меня почти никогда не подводит. В последний раз я ее не послушалась месяц с лишним назад, когда решила съездить к одному старому дубу и около него кое-какой ритуал провести. Она тогда просто орала: «не делай этого», но я плюнула и поступила по-своему. В результате я сижу здесь и общаюсь с тобой, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь по-настоящему интересным и полезным. В смысле для меня полезным, а не для Великого Полоза или мерзкого старикашки Шлюндта. Сейчас происходит то же самое, интуиция в голос вопит, что туда мне соваться нельзя. Не знаю, что там ждет тебя, но мне точно придется лихо, это факт. Так что обойдешься без меня.

– Говорю ведь – без проблем. – Передернул плечами я. – Ты не идешь, потому не получаешь долю. Все ровно, все краями. Да и вообще, рано мы этот разговор затеяли, делим шкуру неубитого медведя. И не какого-нибудь, а гризли, которого не каждая пуля возьмет. Блин, я вообще не представляю, что делать.

– Знаешь, что мне в тебе нравится и не нравится одновременно? – поинтересовалась Стелла. – То, как ты подходишь к возникшим проблемам. Сначала ты впадаешь… Нет, не в панику, такого за тобой не водится мне на радость, скорее в некую прострацию, после чего начинаешь напоминать девственника, впервые увидевшего красивую голую женщину, которая не против с ним порезвиться. Это бесит. Но через какое-то время начинаешь генерировать идеи, одна из которых в конце концов оказывается результативной. Это здорово, это мне нравится.

– Так выпьем за то, чтобы пароксизмы беспомощности сократились до минимума, – грустно пошутил я. – Ладно, давай рассчитаемся, да поехали уже. Чего тут сидеть?

Вроде бы не так долго мы посидели в ресторане, а яркое дневное солнце за это время поблекло, став предвечерним. Само собой, и машин на Кутузовском проспекте прибавилось, причем изрядно.

– Настоимся сейчас, – сообщил я Стелле, которая напялила на себя огромные противосолнечные очки и повязала косынку, снова превращаясь в архимодную автоледи, – по полной.

– Судьба. – Девушка вдавила педаль газа в пол, лихо развернулась и двинулась совсем не в ту сторону, куда следовало. Если бы она хотела довезти меня до дома, нам нужно было ехать прямо, без всяких поворотов, а так мы от него, наоборот, удаляться стали. Но я спрашивать у нее ничего не стал, просто достал смартфон и открыл в нем «Яндекс. Карты», чтобы проверить кое-какую догадку.

Когда мы свернули сначала на Минскую, а после и на Кастанаевскую улицу, мои предположения перешли в уверенность.

– Стелла, я тебе ведь рассказывал о том, что мама в детстве меня пыталась воспитывать? – уточнил я. – Не мог я этот факт от тебя утаить.

– Получилось у нее так себе, но вины Марины Леонидовны я в том не вижу. Просто ты по причине своей вздорности плохо поддаешься дрессуре, – отозвалась ведьма. – Ты это к чему спросил?

– Среди массы преподанных мне полезных и бесполезных знаний, относящихся к этикету, имелся постулат, который гласил: «не ходи в гости, если тебя не пригласили». Плюс к нему примыкал другой, повествующий о том, что если настроения нет, то визиты друзьям и знакомым лучше не наносить, толку с этого не жди. С какого же ты меня везешь туда, куда я сам ехать не хочу и куда меня не приглашали? Заметь, я промолчал о том, что вдобавок это делается без моего ведома.

– Считай, что приглашение ты получил. – Стелла свернула на Малую Филевскую улицу, от которой до шоссе было почти рукой подать. А что дальше? Правильно, через какое-то время, не слишком быстрое по причине пробок, но и не слишком долгое, мы бы прибыли в небольшое поселение с уютно-гастрономическим названием «Маслово», где расположена резиденция доброй на вид и стальной внутри старушки Марфы. – Так что не переживай.

– И не думал, – хмыкнул я. – Но приглашения мало. Ты меня слушала вообще? Я еще про свое настроение говорил, а его в помине нет. Мне домой хочется, а не в гости. Там более что с хозяйкой дома, куда ты меня везешь, я только что повидался. Два раза за один день – это перебор.

– Швецов, заканчивай уже, – попросила меня Стелла. – Ну, серьезно. Мне твои закидоны поперек горла уже стоят.

– А мне – твои, – парировал я. – И ничего, терплю. Мало того, защищаю тебя от чужих нападок, глупости сильным мира сего говорить не даю. Ты сегодня столько дров могла наломать, между прочим, что мама не горюй.

– Марфа сказала тебя привезти на разговор. – Пальцы девушки, сжимавшие руль, побелели. – Я ослушаться не могу, за мной и так косяков полно.

– Ты и не ослушалась, – вполне искренне удивился я. – Что могла, то сделала. Не твоя вина, что у меня характер дерьмовый. Так что давай, поворачивай обратно. Ну или вон у «Пионерской» тормозни.

Вышеупомянутая станция метрополитена осталась позади, и разворота машины тоже не последовало. Напротив, Стелла прибавила скорость.

– Воронецкая, тебе что-то неясно? – еще сильнее изумился я. – Не будь дурой, не порти себе жизнь. Ну и наши с тобой отношения тоже, разумеется. Ведь только-только снова более-менее поладили.

Ничего мне ведьма не ответила, только музыку включила погромче.

– Ладно, хочешь по-плохому – будет по-плохому. – Я провел пальцем по экрану смартфона. – Как там Августыч говорил? «По гамбургскому счету»? Получите и распишитесь.

Поразмыслив пару секунд и перебрав три персоналии, имевшиеся в ассортименте, я выбрал Арвида, отыскал его номер и, весело подмигнув Стелле, нажал на вызов.

Этот господин с собрания ушел злой как собака, потому его даже раззадоривать не придется, особенно если правильно подобрать слова.

– Ты чего удумал? – Воронецкая, похоже, успела прочесть имя набираемого абонента, вырвала у меня телефон из руки и нажала на красный значок сброса вызова. – Совсем дурак?

Машина вильнула и чуть не врезалась в несущийся рядом с нами «Рендж Ровер».

– Действую согласно ситуации. – Я забрал у нее свой телефон. – Твоя хозяйка нарушила все достигнутые договоренности, дав тебе указание обманом, а при необходимости, возможно, и силой доставить меня к ней. В предполагаемой беседе, скорее всего, последует ряд предложений, ведущих к прямому или косвенному нарушению заключенного многостороннего договора. Я честный человек, не желаю участвовать в махинациях Марфы и ее приспешниц, потому собираюсь просить защиты и покровительства у семьи Арвида. Ну и заодно пресеку возможные пересуды, которые могут возникнуть. Они мне тоже не нужны.

Резкий поворот, визг тормозов, гудки разозленных водителей, и наша машина останавливается на обочине.

– Меня же порвут. – Стелла стянула с носа очки и жалобно заморгала. – Марфа ведь…

– Говорил тебе – останови у «Пионерской». Лучше уж снова коленями на стекло встать, чем ждать, когда тебя вурдалаки своими когтями до состояния азу нашинкуют. Стелла, приди уже к пониманию того, что Марфа для тебя теперь не самое страшное, что есть в жизни.

– За дуру меня не держи. – Шмыгнула носом ведьма. – Все я давно поняла, просто… Просто ты, Швецов, дурак. Человек, человек… Какой ты человек? Ты похуже иных наших будешь, ясно?

Машина тронулась с места, Стелла, поджав губы, немедленно нарушила все правила движения, которые можно, развернувшись там, где это делать категорически запрещается, зато через десять минут мы остановились у вышеупомянутой «Пионерской».

– Поеду люлей получать, – вздохнула моя напарница. – И мало мне не покажется, так что в ближайшие дни вряд ли встретимся.

– Да? – Я почесал за ухом. – Это плохо. Кто знает, что мне в голову придет в отношении нашего общего дела и какая помощь понадобится? Вдруг надо будет кого-то очаровать или с кем-то переспать? А это по твоему профилю.

Бамс! Это мне по щеке прилетело.

– Я ведьма, а не шлюха! – свирепо раздувая ноздри, заявила мне Стелла. – Из машины вылазь!

Нет, положительно я стал лучше в ней разбираться. Там, на обочине, она была настоящая, а сейчас опять передо мной театр одной актрисы.

– Скажи Марфе, что я сам к ней не желаю ехать, но если у нее есть желание пообщаться, то нет проблем. Я жду ее вечером в гости. Только сегодня вечером, а не завтра или послезавтра. И еще – если у господ концессионеров возникнут потом вопросы на этот счет, то отвечать на них придется ей, а не мне. Все. Люблю, целую, Валера.

Я вышел из машины и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Кстати, вурдалаки. В этом что-то есть. Что Стелла боится дома Митрохина – это понятно. Мне, признаться, и самому немного не по себе. Ясно, что журналисты саспенса нагнали своими репортажами, но это дало свои плоды. Человеческое воображение и подсознание не телевизор, их нажатием кнопки не выключишь. А мы со Стеллой все же люди, как ни крути. Ну, в той или иной степени, разумеется. А вот вурдалаки – нет. Они если чего и боятся, так это голода, который их сводит с ума, превращая в бессмысленных тварей, главу семьи и немного солнечного света. А на всякие там людские страсти-мордасти им плевать.

К примеру, можно подрядить Арвида и пяток его бойцов, пусть они сначала мне дорогу до дома расчистят, а после там пособят. Ну, заплачу я двойную цену за этот предмет, найду не один клад, а два, велика ли печаль? Зато дело сделаю.

Вот только одно плохо: заключив подобную сделку, я пересеку ту самую черту, о которой упоминал Михеев. Вряд ли кровососы станут с теми же охранниками заморачиваться, аккуратно их оглушая и связывая, это не их стиль. А даже если и станут, потому что я включу данный пункт в условия сделки, то все равно закон будет нарушен, и сейчас речь идет не о статье Уголовного кодекса. Привлек вурдалаков для налета на дом смертного? Привлек. Значит, придется отвечать. Формально – пустяк, но ребятам из Отдела этого хватит. Не для того, чтобы меня покарать, им это на фиг не нужно, чтобы на поводок посадить. Никаких иллюзий на их счет я не испытывал, прекрасно осознав, что в мире Ночи каждый старается для себя самого и тех, кого за своих держит. Сейчас у нас с ними вроде все ровно, мы на одной ступени стоим, никто никому ничего не должен. Нет, тому же Михееву я дал обещание о разовой помощи, но это не в счет. Но здесь-то совсем другие расклады получаются.

Плюс следует учесть то, что Митрохин – мужик жесткий, и годы вряд ли смягчили его характер. Отец мне кое-что порассказал о том, как этот господин ведет дела, там столько скелетов в шкафу – ого-го. И это только верхушка айсберга. А мой батя сам сильно не ангел, уж поверьте, там тоже всякого хватает.

Так что если я обнесу Митрохина и он при этом останется жив, то по моему следу помчатся десятки частных сыщиков-волкодавов, которые работать умеют, особенно когда им хорошо платят. Да, я могу натянуть на голову балаклаву, а на

руки – перчатки, но сильно ли это мне поможет? Наверняка ведь где-то наслежу, я же не профессиональный грабитель. Плюс куча камер в саду и доме, которые вот так просто не отключишь, да масса других мелочей, которые я по незнанию просто в расчет не возьму.

Короче, помощь вурдалаков пока не вариант абсолютно, по крайней мере вот в таком виде. Хотя он в любом случае лучше той идеи, что мне в голову в ресторане первой пришла. И случись выбирать, я все же предпочту Арвида с его головорезами родному отцу, это уж точно.

Да-да, мой батя до сих пор ведет дела с Митрохиным, это я точно знаю, у них проект был долгосрочный, и он его сворачивать не станет – слишком велики будут убытки. И можно не сомневаться в том, что он входит в число особ, которые имеют доступ на территорию поместья, поскольку не станет Анатолий Дмитриевич Швецов подписывать бумаги с каким-то чертом из управляющей компании. Это вопрос самолюбия и самоуважения.

А я не стану просить помощи у Анатолия Дмитриевича Швецова ровно по той же самой причине. Что, кстати, без всяких тестов ДНК доказывает, что яблочко от яблони недалеко падает.

Ближе к ночи голова от всех этих мыслей совсем разбухла, в глазах метались звездочки от сотен просмотренных в интернете роликов о таинственном доме и его владельце, а челюсть чуть не заклинило от зевания. Часов в одиннадцать я рассудил, что Марфа, как видно, обиделась и не приедет, порадовался этому и совсем уж собрался на боковую, как в дверь позвонили.

Стало быть, не обиделась на меня Марфа. Или обиделась, но не сильно.

Экая досада!

Глава пятая

Верховная ведьма снова сменила облик. Из бизнес-леди, что я видел в ресторане, она превратилась в эдакую немолодую горожанку из тех, о которых

говорят «следит за собой». Заявись она на танцы для тех, кому за пятьдесят, отбою от кавалеров бы у нее не было. А что? Выглядит неплохо, одета неброско, но со вкусом, так что отставные офицеры точно у ее ног штабелями бы ложились.

А еще при ней обнаружилась кудрявая синеглазая девица, у которой в руках имелось два пакета, набитых до отказа. Симпатичная, к слову, девица, из числа тех, мимо которых лет семь-восемь назад я бы точно не прошел. Нравились мне тогда такие блондиночки, с хитрым огоньком в глазах, большой крепкой грудью и ямочками на щеках.

– Прими сумки-то у девки, – скомандовала Марфа, – а потом уж пяльcя на нее.

– Да ладно. – Белозубо улыбнулась та. – Пускай, от меня не убудет. Да и не сильно они тяжелые.

Хорошо хоть джинсы натянул, в трусямбах не пошел дверь открывать. А чего, с меня сталось бы, ибо плевать. Потому как у меня тут теперь не дом, а проходной двор. Ну или офис, как вариант.

Только почему-то мне не очень хотелось выглядеть дураком перед этой девахой. Даже странно, с чего бы?

– Давайте. – Я подхватил сумки и учуял, как из них пахнуло тестом, ванилью, малиновым вареньем и еще чем-то очень знакомым, вцепившимся в самую душу. Может, моим давно ушедшим детством, которого толком и не было? – Проходите на кухню. В комнату не приглашаю, там не прибрано.

– Не удивил. – Марфа не стала чиниться и переступила через порог. – Мужик без бабы дичает, это всем с давних пор известно.

– Не соглашусь, – возразил я. – У матерых холостяков в квартирах все стерильно и аккуратно, как в иных больницах. Порядок такой, что жуть берет.

– Холостяки из убежденных – это другое, – поправила меня верховная ведьма, усаживаясь на табурет. – Это, почитай, те же скопцы, только не физически изувеченные, а морально. Сами себе чего-то придумали, сами в это поверили да

еще тем и гордятся. Да ты сумки ставь на стол-то, ставь, сейчас Изольда ими займется.

– Вроде как вы ко мне в гости пришли, а не я к вам.

– По большому счету напросились, – поправила меня Марфа. – Это многое меняет. Потому и не с пустыми руками. А ты чего стоишь? Давай, давай. Вон плита, вон чайник, тарелки у него, небось, там. Верно?

– Верно, – подтвердил я, глядя на то, как спутница верховной ведьмы сноровисто взялась за дело. – Может, я…

– Сядь уже и не мешайся, – велела мне ведьма. – Или, вон, покурить сходи. Это женское дело, не мужское. О, суседушки твои зашебуршились. Учуяли меня, стало быть.

– Кто? – не понял я. – Вы сейчас о ком?

– О них, родимых, – усмехнулась Марфа и рявкнула: – Угомонитесь уже. Клянусь Луной, что в эту ночь ни дому этому, ни тем, кто в нем обитает, вреда не причиню. И прислужница моя тоже. Гостьи мы тут, потому Покон чтим. Довольны?

Скрипнула дверца отсека, что находился под раковиной, оттуда выбрался Анисий Фомич, отвесил ведьме поклон и произнес:

– Благодарствуем.

– Что же это у тебя лифт-то такой неприглядный? – Погрозила ему пальцем Марфа. – Кнопки пожженные, смердит в нем, как в нужнике. Непорядок!

– Так это… – замялся подъездный, – давно не меняли. А мы сами чего можем? Ничего. Тут же управляющая компания должна…

– Лет сто пятьдесят назад тебя с таким подходом к делу со двора бы шуганули, – сурово заявила старушка. – Причем свои же, овинник с банником. «Управляющая компания, чего мы можем?..» То-то и оно, что ничего. Все, брысь с глаз моих.

Подъездный вздохнул и полез под раковину.

Ого. Стеллу он не боялся совершенно, напротив, чуть ли не пинками ее прочь гнал, когда та его разозлила. А тут вон, Марфа в лицо высказывает нелицеприятные вещи, а он только бородой машет.

Интересная у них в Ночи все же система проявления глубокого уважения и соподчинения, очень интересная. Хоть и непонятная мне до сих пор.

– И остальные – кыш! – Топнула ногой верховная ведьма. – Нечего вам уши греть.

В тот же миг что-то стукнуло за холодильником, прошуршало за плитой и в вентиляции. Это, как видно, подъездные разбегались куда подальше от моей квартиры. Ой, чую, вынесет суровый Филат Евстигнеевич снова на обсуждение вопрос о моем отселении из его дома. И отправлюсь я на улицу, солнцем палимый, ветром гонимый…

Может, все же плюнуть на все, бросить работу, выкупить у Шлюндта тот дом, где мы клад взяли, отремонтировать его и там поселиться? По крайней мере, вот так запросто все, кому не лень, туда таскаться на ночь глядя не станут.

Сноровистая Изольда тем временем расставляла на столе тарелки с пирожками, ватрушками, еще какой-то снедью, причем пару раз вроде как случайно меня коснулась – разок бедром, другой грудью. Намек был недвусмысленный, а девица, прямо скажем, симпатичная. И все бы ничего, вот только не люблю я ситуации, шитые белыми нитками, в них за деревьями леса не видишь.

– Чего щуришься? – поинтересовалась у меня Марфа. – Валера, в этой жизни все просто. Нравится что-то – бери. Не отдают – дерись. Это Карлуша слова в простоте не скажет, я такого не люблю.

– В сон клонит, – пояснил я. – За отпуск ритм жизни сбился, встал сегодня рано, вот и сносит меня.

– Намек ясен. – Покивала ведьма. – Ну, мы особо засиживаться не собираемся, сейчас чайку попьем, потолкуем про одно дельце да и уйдем.

Изольда подхватила чайник, закипевший за секунду до слов ее хозяйки, и наполнила наши чашки.

– Это, конечно, не чай. – Окунула пакетик в воду Марфа. – То ли дело у меня дома, там ведь и мелисса в заварку добавлена, и другие травки, тонизирующие и ароматные. Но ты не пожелал заехать, уж не знаю почему.

– Не хотел давать повод для сплетни, – пояснил я. – Ясно же, что самое позднее через час кто-то из наших друзей выкатил бы претензию на предмет сговора за спинами. Не знаю, как вам, а мне подобное ни к чему, и без того забот полон рот. Что до чая – зря вы. «Базилур» на общем фоне очень хорош. И аромат, и крепость наличествуют.

– Ну, если только на общем фоне, – не стала спорить Марфа. – Изольда, ты чего застыла? Садись, вон, рядом с хозяином дома, поухаживай за ним. Валера, ты же не против?

– Вроде у самого руки есть, – усмехнулся я, – не растеряюсь. К тому же по правилам я, как хозяин дома, обязан гостей ублажать. Но в целом – да, в ногах правды нет.

– Мужчинам – мужское, женщинам – женское, – строго произнесла Марфа. – Нам этих новомодных западных причуд не надо. Мы должны быть сильными, чтобы владеть этим миром, с этим не спорю, но это не значит, что для того следует в себе изначальную женскую искру затушить. Ты сам-то с кем свой век коротать предпочтешь? С приятелем среднего пола, у которого из бабьего только титьки остались, или с той, к которой тебя как магнитом тянуть станет, потому что лучше нее на свете никого нет? Которая твой дом на самом деле домом сделает и детишек нарожает?

– Не поспоришь, – согласился я.

Изольда тем временем положила на тарелку кусок кулебяки, пахнущий невозможно одуряюще, подвинула поближе, подперла щеку кулаком и уставилась на меня.

– Она и пекла, – уведомила меня верховная ведьма. – Ешь, ешь. Когда мужик сытый, так с ним дело иметь проще.

– Вкусно, – сообщил я Изольде. – Спасибо.

– Еще бы не вкусно. – Марфа откусила сразу половину ватрушки и запила печево чаем. – С душой делалось, с желанием. А это великое дело.

– Скажите, а Изольда сама говорить умеет? – осторожно уточнил я. – Или только улыбаться?

– Умеет. В прихожей же говорила? Просто попусту языком молоть терпеть не может, не то что иные прочие.

– Вы про Стеллу? Да не так уж много…

– Много, – перебила меня Марфа. – Слишком много. Причем по поводу и без повода, что совсем никуда не годится. И не только в болтовне дело, она себе еще и лишнего много позволила, такого, что ведьме невместно творить. Я терпела долго, но всему есть предел, потому в ближайшее время вы вряд ли увидитесь.

– Даже так? – Я положил надкусанный ломоть кулебяки на тарелку. – Надеюсь, никаких излишеств вроде прошлого раза вы устраивать не собираетесь? Коленями на стекло – это, конечно, оригинально, но если вы ее искалечите, то здорово усложните мне жизнь. Стелла – редкая стерва, спору нет, но иногда она мне помогает. К тому же мы не просто так с ней сошлись, тут кое-чья воля задействована. Полагаю, вы в курсе, о ком я речь веду?

– А как же. – Ведьма снова отпила чаю. – Мне эта вертихвостка сразу доложилась, в тот же день, как из леса вернулась. Как я ей тогда шею не свернула – сама не понимаю. Надо же было додуматься до такого – попробовать наложить лапу на добро Полоза! Да он сроду ни с одной золотинкой не расстанется, что уж тут про венец Гориславы говорить.

На самом деле? Это интересно. Просто мне-то огненный змей тоже кое-что из своих богатств посулил за помощь. Не скажу, что я спешу выполнять его просьбу, но кто знает, вдруг свезет, вдруг найду я того, кто пособником его врагини стал.

– Ну а что до тебя – так вот тебе помощница. – Марфа показала на Изольду. – Чем плоха? И умница, и красавица, в зельях сведуща, крови, опять же, не боится. Что не болтлива – сам в том уже убедился. А та ли ведьма тебе служит, другая – Полозу плевать, уж ты мне поверь. Он про вас до останнего дня и думать забыл.

– Рокировка, значит. – Я встал с табуретки. – Интересное предложение, хоть и неожиданное.

– Стелла – неврастеничка, – наконец-то снова заговорила Изольда, голос ее был мелодичен, хоть и немного низковат. – Я ее давно знаю. Чуть что, она сразу психовать начинает, беситься, крайних искать. У нас ее за это сильно не любят.

Сложившаяся ситуация меня начала немного напрягать, поскольку со стороны эти смотрины, наверное, смешно выглядели. И самое главное – Марфе это зачем? Понятно, что я эту Изольду, насколько бы она не была симпатична, к себе на пушечный выстрел не подпущу, поскольку веры ей нет совершенно. И Воронецкой не было, но тут-то вовсе труба.

– Пойду покурю, если вы не против, – проговорил я. – Надо все услышанное переварить. А как вернусь, перейдем к тому вопросу, ради которого вы ко мне приехали.

– Курение вредно, – назидательно сообщила мне Марфа. – Но в этом доме ты хозяин. Изольда, подлей мне кипяточку. И напомни, которые пирожки с вишневым вареньем?

Я покинул кухню, зашел в комнату, вытянул сигарету из пачки, лежащей на подоконнике, и было собрался выйти на балкон, но не успел – меня остановил недовольный девичий голос, прозвучавший в голове:

– Она мне не нравится. Прогони ведьму-молодуху! Сейчас прогони!

– А? – Заморгал я, а после повертел головой. – Чего?

– У нее чернота в душе, – пояснила мне неведомая собеседница. – Ты ей не нужен. Ей сказали тебя приручить, подчинить. Гони ее прочь!

Самое странное, что голос этот мне знакомым показался, я его раньше слышал. Но где и когда?

– Та, другая, что приходила раньше, тоже дрянь редкая, но она хоть иногда с тобой честно говорит, – продолжила вещать невидимая девушка. – А эта… Она куда хуже. И еще – ты ей очень не нравишься, она тебя убить желает. Ты этого не видишь, а я знаю! Я таких, как она, много повидала, уж поверь, и когда жива была, и… И потом тоже. Ты мне верь, я знаю. Староста нашего села, дядька мой, он с Дарой-ведуньей поссорился, та однажды ночью пришла и стребовала с него виру за обиду. С него и всех его родичей до третьего колена. Кого в дому уморила, у кого душу забрала, а иных к черному камню лесному ее присные уволокли. Меня она сама сгубила за то, что я защититься пыталась. Яро сгубила, страшно. Знаешь, в моем роду тоже были те, что с берегинями на рассвете земли нашей разговоры разговаривали, бродила в девках нашей семьи сила до той поры, пока они кику не надевали на свадебный пир да мужними женами не становились. И во мне она имелась, только я ей выхода не давала, запрет на то был от старшей в роду. А тут увидела, как сестрицу мою когтями рвут, ну и не выдержала… Знала бы, как оно выйдет, так сама бы той ночью горло под нож Дары подставила, да только поздно теперь о сделанном да несделанном печаль таить. Ты хоть не глупи, слышишь?

Вот тут я и понял, кто со мной говорит. Браслет! Тот самый, что я у Шлюндта выспорил, когда клад для него разыскал. Я пару раз забавы ради пытался с ним пообщаться, только впустую – молчал он. Ну, я про него и забыл совсем. А тут – на тебе, сразу столько информации.

В комнату заглянула Изольда, увидела меня, стоящего у двери и разминающего сигарету в пальцах, подмигнула и снова ушла на кухню.

– Нормально все будет, – шепнул я, зная, что меня услышат. – Не переживай.

Это сколько же, выходит, лет моей находке? Судя по всему, сильно много. «В роду», «кику не надевали». Последнее слово мне знакомо, в совсем старые времена так назывался головной убор замужней женщины.

И самое главное – этой девчонке незачем мне врать. Из всех моих новых знакомых она единственная, кому ничего от меня не нужно просто в силу того, что ее как бы вовсе нет. А с другой стороны – с чего бы ей обо мне заботиться?

Не от большой же любви, верно? Но все равно хорошо, что у меня появился еще один союзник, пусть даже и такой необычный. Хоть будет с кем посоветоваться, при условии, разумеется, что она снова не замолчит после того, как Марфа и Изольда покинут мой дом.

Прежде чем вернуться на кухню, я залез в секретер и засунул в карман джинсов екатерининский рублевик. Перед тем как отправить одежду в стиральную машинку, я его, понятное дело, достал, а обратно-то и не положил – забыл.

– Душная нынче ночь, – сообщил я дамам, сидящим на кухне, – безветренная.

– Завтра к вечеру дождь начнется, – расстроила меня Марфа и глянула на часы. – Точнее, уже почти сегодня. Будет он теплый да нудный, дня два лить станет. Сырость я не люблю, кости от нее ломит, зато грибов после выпрет – хоть косой коси, особенно если места правильные знать. Мне одно такое известно, причем от Москвы оно совсем недалеко находится. Вот мы с тобой, Хранитель, их там ближе к выходным и пособираем, ежели сейчас сговоримся. А Изольда нам после лапшичку сварит да грибами теми приправит. Сваришь?

– А как же, – бойко отозвалась девушка. – С радостью. У меня и рецепт есть, бабушкин еще, особый.

– Сговоримся о чем? – включил дурака я. – За грибами съездить? Так это с нашей радостью. Правда, в будни никак, работа у меня, но в субботу или воскресенье – можно.

– Грибы грибами, мне кое-что другое в том лесочке надо отыскать, – задушевно произнесла Марфа. – Валер, ты же все понял, зачем эти кошки-мышки? Надо клад поднять. Мой клад, заметь, не чей-то бесхозный. По праву мой.

– Так если он и так ваш, я тогда зачем? Выкопайте да владейте.

– Кабы так. – Глаза Марфы подернулись легкой поволокой. – Не дастся он мне в руки. И никому, кроме тебя, его не взять, вот беда какая. И вот что еще сразу – с прежним Хранителем мне сговориться не удалось. Этот старый хрыч наше племя сильно недолюбливал, видать, была на то причина. Личная, надо думать. Может, какая ведьма ему по молодости голову вскружила да так и не дала, может, дорогу кто из наших ему перешел всерьез – мне неведомо. Но одно точно – он со

мной даже говорить не желал. И не только со мной, другие мои товарки тоже под него клинья подбивали – и все впустую. Потому, когда его порешили, лично я не расстроилась. Но клад есть, он ждет. И я вон сколько лет тебя ждала.

– Странно это все, – заметил я. – Нет логики. Он ждет, но вам его не взять… Простите, если это прозвучало резко.

– В мире вообще очень много странного и нелогичного. – Ведьма отодвинула от себя пустую чашку. – Он сплетен из противоречий, если ты еще не понял. Возьмем ту же дурочку Стеллу. Ей ведь тебя ненавидеть надо страшно, люто. С чего бы? Так ты ей ритуал сорвал, Полоз у нее из-за тебя свободу отнял, а хуже этого для ведьмы ничего нет, я ее шпыняю всяко за каждый твой промах. По всему ты ей худший враг, верно? А она на коленях передо мной стоит, просит тебе вред не причинять, если нынче отказом ответишь. Странно? Не то слово. Но так есть.

– Не ответ, – передернул плечами я, не моргнув глазом. – У Воронецкой в голове две извилины, и те от резиночек остались, которыми она волосы в детстве в хвостики стягивала. А клады – тонкая материя, шаг влево, шаг вправо – и невесть что случиться может. Я вот тут днями один такой поднял в Останкино, и чем дело кончилось? Выкопал для одной особы, а тут вторая пришла, начала права качать. Ругались они, а драться пришлось мне. Ой, да вы же там были, верно?

– Я оценила иронию, – усмехнулась Марфа. – Да, хорошо, что напомнил. Изольда.

Белокурая красотка метнулась в коридор, где осталась ее сумка, и через секунду вернулась обратно, держа в руках нож с очень знакомой рукоятью. Я вспомнил, как отлично она сидела в руке той ночью, и на душе стало приятно.

– Независимо от того, чем закончится наш разговор, он твой. – Марфа забрала оружие у Изольды и протянула мне. – Я бы еще тогда его тебе отдала, но Ростогцев непременно использовал бы данный факт сегодня днем в ресторане. Дескать, все ясно, вчера она ему подарок сделала, вот потому Хранитель встал на ее сторону. Да что ты глазами хлопаешь? Бери-бери, отдарка не требую, передаю этот нож тебе своей волей на веки вечные.

– Спасибо, – обрадовался я. – Вещь. Нет, правда вещь!

– Хочешь угодить мужчине – подари ему клинок, – голосом наставницы обратилась к Изольде Марфа, – а после делай с ним чего хочешь, он на все будет согласен, лишь бы ему дали с этой железкой позабавиться вволю. Но мы не будем использовать слабости Хранителя, верно?

– Не будем, – поддакнула хозяйке Изольда. – Мы не такие.

– Если подниму клад, об этом точно все узнают, но вряд ли кто-то поверит, что это сделано просто так. – Я положил нож на стол. – А после все подумают, что со мной все же можно договориться – за мзду, подарок или страх. И речь сейчас не только о Шлюндте и вурдалаках идет. Имеются и другие охотники за старым золотом. Потому – нет. И сразу – вариант с авансом за вашу последующую помощь тоже не годится. Это идет вразрез с моими принципами.

– Это какими же? – изумилась ведьма.

– Отец с детства в меня вбил несколько аксиом, они стали частью меня самого, – пояснил я. – Одна из них гласит: «услуга, которая уже оказана, ничего не стоит». Так что извините.

– Стелла мне сказала, что у тебя возникли проблемы с тем предметом, что ты нам сегодня показывал. – Марфа чуть подалась вперед, и я понял, что сейчас она выложит на стол свой главный козырь. – Верно?

– Предположим, – уклонился от прямого ответа я. – И?

– Если я решу проблему с проникновением в тот дом, который тебе интересен, то ты добываешь для меня клад, – деловито заявила верховная ведьма. – Как тебе такой вариант?

– Он небезынтересен, – признал я. – Но прежде чем я скажу «да», в него следует внести кое-какие правки.

– Ну-ка, ну-ка.

– Мне мало туда попасть, – деловито заявил я. – Надо же еще искомое добыть. Вот если я оттуда с кулоном выберусь, тогда да, займусь вашим кладом.

– Резонно, – одобрила мои слова ведьма. – Что еще?

– При данной акции никто не должен умереть. В смысле из охраны или обслуги. Про хозяина дома я и не говорю.

– Ты настолько высокоморален? – удивилась Марфа. – Ты толстовец?

– Вовсе нет, – усмехнулся я. – Просто у меня нет ни малейшего желания после общаться с господами из Отдела. А они непременно встанут на мой след, в этом я не сомневаюсь.

– Ну, ты их переоцениваешь, – отмахнулась ведьма. – Не такие они и всемогущие. Вон, Аркашку Францева в свое время подстрелили, так никто и не докопался до истины – отчего, почему и кто. А уж как они носом землю рыли, как Москву трясли!..

– Тем не менее это обязательное условие.

– Хорошо, будь по-твоему. Что-то еще?

– Вроде нет. – Почесал затылок я. – Все.

– Тогда я тоже пару условий добавлю к договору. – Марфа сложила руки на груди. – С тобой туда отправится Изольда. И даже не спорь, ясно?

– Зачем? – удивился я.

– Затем. – Верховная прищурила левый глаз. – Завернула я к этому дому по дороге к тебе, глянула. Место-то скверное, нехорошее, недоброе. Не знаю, что там к чему, но одного я тебя туда не отпущу, есть у меня ощущение, что в этом случае ты просто обратно не вернешься. А это означает, что я зря потратила свое время, Валера. Впустую. Не тебя мне жалко, а твой талант, который мне пользу принести может. Ну а Изольда, если что, тебя прикроет.

– Да? – Я недоверчиво глянул на девушку, жующую пирожок. – Это как?

– Вот так, – с набитым ртом ответила она, и я увидел, как ее ногти удлинились, став похожими на короткие кривые клинки. – Здорово?

– Ты не ведьма, ты герой «марвеловского» комикса, – уважительно протянул я. – Внушает.

– Плюс она кое-что смыслит в замках и засовах, – продолжила Марфа. – Не думаешь же ты, что этот миллионщик хранит драгоценности в ящике стола? Наверняка там есть сейф или что посерьезней. Изольда тебе и с этим пособит.

– На самом деле? – Уже вполне серьезно, без какой-либо иронии, я окинул взглядом кудрявую девицу. – Ого!

– Я же говорю – это тебе не Воронецкая. – Марфа явно получала удовольствие от происходящего. – Изольда у меня умница та еще.

Надо заметить, что на данную тему я и сам уже размышлять начал. Не про Изольду, разумеется, а о том, что делать с сейфом, без которого там, разумеется, не обойдется. В голову лезли разные глупости, а вот с конструктивом было худо, так что Марфа даже не представляла, похоже, какой подарок она мне делает.

Или прекрасно представляла, потому и выкидывала сейчас козыри из рукава один за другим? Если да, то очень мне интересно становится: что это за клад такой она собирается с моей помощью взять? И не выйдут ли мне его поиски боком, причем таким, что вражда с Отделом покажется детской игрой?

– Если не секрет, вы как туда попасть планируете? – уточнил я. – Охрана, собаки, камеры, возможно, даже капканы или ловушки. Их обойти надо как-то.

– Или просто не брать в расчет, – по-девчоночьи хихикнула верховная ведьма. – Пусть они себе на улице остаются, а мы сразу в дом пойдем.

– Так можно?

– Так нужно. – Посерьезнела Марфа. – Хотя… Боюсь я, что это все пустяки по сравнению с тем, что там, внутри, обитает. Не так прост ваш Митрохин, сдается

мне, нашел он кого-то, кто ему показал то, что не следует. Или чего похуже сотворил. Ладно, все одно тут уже ничего не изменишь, надо – значит, надо. Так вот. Если ты не знаешь, то ведьмы бывают разные. Я, например, природная, праматерь моя черпала знания из книги Вед, той, в которой все тайны мира были описаны. Изольда – закладная, ее душу мать родная за собственную красоту и молодость еще до родов мне же и продала. Впрочем, кто тут в прибыли остался, а кто в убытках, точно не скажешь. Иногда таких, как она, заклятыми называют, но от перемены слагаемых сумма не меняется. А еще есть болотные ведьмы, они в городах не селятся, в основном на природе обитают. Силенок у них не так много, как у нас, да и цели попроще. Сглаз, приворот, молоко у коровы сцедить – это все они. В зельеварении тоже хороши, это не отнимешь. А еще им доступна очень любопытная волшба, такая, которой, кроме них, никто не владеет. Они умеют через зеркало дорогу куда хочешь открыть. Или между двумя зеркалами через свое болото дорогу проложить. Смекаешь, Хранитель, о чем я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasil-ev_andrey/temnye-puti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить